

Алексей Калугин Так держать, сталкер! (сборник)

*Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=609905
Так держать, сталкер!: Эксмо; Москва; 2011
ISBN 978-5-699-48526-0*

Аннотация

Хотите посетить Зону в компании Майкла Джексона? Не проблема! Слетать на Марс в составе экспедиционного корпуса, участвующего в Первой марсианской войне? Запросто! Чувствуете в себе задатки менеджера? Тогда вас, несомненно, заинтересует новое, грандиозное дело, которое затевает специалист по выживанию Чейт А! Что еще? Еще можно купить Землю с аукциона, понять, как чувствует себя стрелок с Дикого Запада, оказавшийся в современной Москве, посетить наномир, узнать, кому и почему не хватает зла и чем занимаются имитаторы, имитирующие имитации. И все это в новой книге Алексея Калугина!

Содержание:

- Без вариантов (*повесть*)
- Так держать, сталкер! (*рассказ*)

- Искупитель (*рассказ*)
- История мертвой головы, неизвестно кому принадлежавшей (*рассказ*)
 - Земля 3.0 (*рассказ*)
 - Лучший стрелок (*рассказ*)
 - Зла не хватает (*рассказ*)
 - Глаз в небесах (*рассказ*)
 - Опустевший город (*рассказ*)
 - Поиграйте кто-нибудь со мной (*рассказ*)
 - Имитаторы, имитирующие имитации (*рассказ*)
 - На десять минут позже (*рассказ*)

Содержание

Без вариантов

6

Конец ознакомительного фрагмента.

130

Алексей Калугин

Так держать, сталкер! (сборник)

Без вариантов

Дождь зарядил сразу после Полуденной Луны. Да такой, что мир разом сделался серым. Как будто низвергающиеся с неба потоки воды смыли все краски – с неба, с деревьев, со стен домов, с рекламных плакатов, а заодно и прохожих с тротуаров. Казалось, еще немного, и авто поплывут, расплескивая по сторонам фонтаны брызг, по превратившимся в реки улицам. Или утонут, обернутся подводными рифами, и будут расти на них водоросли и ползать гигантские улитки; а маленькие пестрые рыбки станут заплывать в приоткрытые окна, внимательно осматривать красиво отделанные дорогой кожей салоны, тыкаться широкими, плоскими губами в зеркальца и стрелки спидометров и недоумевать, откуда взялась вся эта роскошь?

Но даже проливной дождь не мог погасить обычную послеполуденную суету в тринадцатом участке стражей порядка Центрального рестрикта. То и дело громко хлопали двери; дежурный выкрикивал то имена, то номера, то названия районов; то и дело кто-то пробегал между заваленными документами столами, и, если не проявлял изысканной грациозности и легкости, на пол летели служебные бумаги, а вслед пробежавшему неслись проклятия того, кто с ними работал; взятый на месте преступления грабитель, брызжа слюной, орал, поскольку руки у него были скованы за спиной, не в

меру экзальтированный бандюк, дабы привлечь к себе внимание, время от времени колотился лбом о стол; невообразимо толстая тетка в невыносимо коротком ярко-малиновом платье через фразу переходила с крика на визг, потому что ей казалось, что дежурный неверно понимает суть ее претензий... В общем, обычный день. Обычный сумасшедший дом. Ну а что вы хотели? Центральный рестрикт это не Мелькарские Холмы, золотой район, где патрульный, остановив авто, вежливо просит владельца помыть забрызганные крылья. Центральный рестрикт – это место, на которое приходится до семидесяти пяти процентов всех тяжких преступлений, совершающихся в Рен-Гатаре. И это только по официальным сводкам.

Стеклянная перегородка, отделяющая кабинет старшего дознавателя Ре-Ранкара, испещрена каплями воды – большими и маленькими, прилипшими к одному месту, будто восковые, или сбегаящими вниз извилистыми дорожками. Каждый, кто входил с улицы, будь то страж или гражданское лицо, сначала ругал непогоду, а затем начинал трясти зонтом, шляпой, плащом или что там у него еще имелось. На худой конец, встряхивал мокрыми волосами. Брызги летели во все стороны. Но большинство из них оседали на стеклянной стенке кабинета старшего дознавателя Ре-Ранкара. Почему – загадка. Конечно, можно было опустить жалюзи и отгородиться от того бедлама, что царил в общем помещении. Захлопнуть крышку и остаться одному в своей коробке. Мож-

но. Но суэта за стеклом вовсе не мешала, а, скорее, напротив, помогала Ре-Ранкару сосредоточиться. Кабинет он получил вместе со званием, а прежде и сам успел посидеть едва ли не за каждым из тридцати двух столов тринадцатого участка. Будущему старшему дознавателю приходилось принимать жалобы и составлять протоколы, выписывать штрафы и снимать отпечатки пальцев, проводить опознания и выбивать показания, уговаривать свидетелей и умирять особо буйных подозреваемых. Много чем пришлось заниматься Ре-Ранкару за пятнадцать лет службы. И вот теперь он сидит в кабинете старшего дознавателя – в своем кабинете! – смотрит в общий зал и думает, что там-то, пожалуй, поспокойнее было. Дежурный страж день проводит на нервах. Зато потом, после работы, он может немножко выпить с друзьями и, делая чисто символические ставки, только забавы ради, поиграть в ник-нак. Еще лучше – пойдет домой, где ждут жена и дети. Или же, на худой конец, усядется с парой бутылок дхута у телевизора и будет тупо смотреть всю ту чушь, что по нему показывают. Переключив вариатор на новый тип личности, страж сможет на время дистанцироваться от всей той грязи, что ему целый день приходилось разгребать.

Миллионам людей, двигавшимся заодно со всеми, то медленно, неторопливо, то стремительно набирая скорость, от рождения к смерти, только вариатор не давал слететь с рельсов. Старшему же дознавателю Ре-Ранкару вариатор не даровал забвения. Работа составляла для него суть жизни. Она

вытягивала из него все нервы. И оттого, что происходило это медленно, делалось только большее. И тем неотвратимее казалась трагическая развязка. Он знал, что в конечном итоге для него останется единственный выход – безумие. Но до тех пор... До тех пор он будет выполнять свою работу.

Тетка в малиновом мини, похоже, нашла требуемый стиль общения с дежурным. Во всяком случае, ей так казалось. Теперь она полулежала на столе, придавив локтем бумаги, и что-то томно ворковала. Дежурный страж порядка потерянно смотрел на оранжевый плафон стоявшей перед ним лампы – видимо, еще не решил, радоваться ли случившейся перемене или попросить гражданку освободить занятую ею половину стола. Но тогда ж она снова заверещит.

Да, непростой выбор, усмехнулся про себя Ре-Ранкар.

На руке едва слышно пискнул вариатор. Ре-Ранкар машинально отдернул манжет. Прибор был уверен, что именно сейчас старшему дознавателю было необходимо использовать всю силу своего разума. Что ж, он готов был постараться. Ре-Ранкар опустил взгляд и мгновенно забыл обо всем, что происходило за стеклянной перегородкой.

На столе перед старшим дознавателем лежали три толстые папки с досье. Поверх каждой – большая цветная фотография. На первой – мужчина лет шестидесяти. Морщинистая лысина, окаймленная узким венчиком седых волос. Крупные, почти грубые черты лица. И при этом вялый, будто срезанный подбородок. Оттопыренные уши. На второй тоже

мужчина, но гораздо моложе. Ему около сорока. Густые, курчавые волосы, длинный нос, чуть раскосые глаза. Губы растянуты в нарочито радостной улыбке. Улыбаться он научился, а вот о том, чтобы исправить неправильный прикус, не позаботился. Может, денег на дантиста не хватило. На третьей фотографии – женщина. Дама. Сорок с небольшим. Короткие, прямые, темные волосы, сверхаккуратно расчесанные на прямой пробор. Брови сдвинуты к переносице. Глаза подозрительно прищурены. Краешек нижней губы недовольно прикушен. Довершали картину маленькие, кругленькие очки в тонкой оправе, висящие на самом кончике носа. Несмотря на то что ничего неправильного или непропорционального в чертах лица дамы не было, внешний вид ее почему-то казался неприятным. Можно даже сказать, отталкивающим. Встретив такую на улице, хотелось сделать шаг в сторону. Неосознанно, чисто на интуиции, которая тихо шепчет, что с ней лучше не сталкиваться. Ни при каких обстоятельствах.

Ре-Ранкар знал об этой троице абсолютно все. Быть может, больше, чем знали они сами о себе при жизни. И тем не менее он никак не мог понять, что их связывало? Старший дознаватель ломал голову над этой задачкой уже не первый день. Все факты свидетельствовали о том, что эти трое, скорее всего, даже не ведали о существовании друг друга. И все же между ними было что-то общее. Непременно должно было быть!

Пока же их объединяла только смерть – все трое были убиты.

Месяц назад первой жертвой неизвестного убийцы стал Ни-Нартор, шестидесятидвухлетний активист Миссии Милосердия, общественной организации, занимающейся помощью в уходе за пациентами психиатрических клиник. Он был убит в своем доме, расположенном в 11-м Разъезде. В этом районе селятся, как правило, представители среднего класса, не особо зажиточные, но имеющие постоянную работу и стабильный доход. И в целом район считается благополучным. Убийство было совершено с чрезвычайной жестокостью. Ни-Нартор был не просто зарезан, а буквально выпотрошен – убийца распорол ему живот от лобка до грудины. При этом жители близлежащих домов не слышали никаких криков или подозрительного шума. Хотя, по заверениям медицинских экспертов, убийство произошло около полуночи, а значит, законопослушные граждане уже улеглись в свои кровати и на улице царила тишина. Позднее те же эксперты установили, что незадолго до смерти Ни-Нартор принял несканин – сильный анестетик, сделавший его тело бесчувственным, но не затуманивший разум. Таким образом, несчастный умирал не страдая физически, но в полном сознании, прекрасно понимая, что происходит. Следы несканина были обнаружены в недопитом стакане с водой, стоявшем на рабочем столе Ни-Нартора. Следов взлома не было – получалось, что Ни-Нартор сам впустил убийцу в дом. В

комнатах, за исключением той, где было совершено убийство, царил небольшой беспорядок, характерный для обиталища одинокого пожилого мужчины. Ничего из ценных вещей не пропало. Нетронутой оказалась даже приличная сумма денег, лежавшая, можно сказать, на виду – в незапертом ящичке секретера. Складывалось впечатление, что убийца либо вообще ничего не взял из дома своей жертвы, либо взял нечто, представлявшее ценность лишь для него одного, причем он не тратил время на поиски этой вещи, потому что точно знал, где она лежит. В доме было найдено множество отпечатков пальцев, не принадлежавших хозяину. Но, поскольку Ни-Нартор вел активную общественную жизнь, у него бывало много гостей. Так что, если какие-то из отпечатков и принадлежали убийце, выделить их не представлялось возможным. Орудие убийства – эксперты определили, что это был длинный, обоюдоострый нож с широким лезвием и глубоким кровосток, – найдено не было. На жаргоне стражей порядка подобное убийство называется «чистым». Вероятность раскрытия такого преступления близка к нулю. Однако имелась одна деталь, выделявшая убийство Ни-Нартора из ряда прочих, отправленных в архив с пометкой «Не раскрыто». На стене рядом с телом жертвы черным угольным карандашом был нарисован круг диаметром около сорока сантиметров, разбитый на шесть равных секторов, один из которых был закрашен. Убийца оставил свой знак. Это означало, что он хотел, чтобы на него обратили внимание. И это

было самым поганим. Потому что такие психи, как правило, не останавливаются после первого убийства. Наоборот, первая кровь действует на них как наркотик, требующий дальнейших действий, как только эффект от принятой дозы начинает ослабевать.

Поскольку версия с ограблением исключалась, старший дознаватель Ре-Ранкар, которому было поручено вести дело, попытался связать убийство с профессиональной деятельностью Ни-Нартора.

Миссия Милосердия, хотя и именовалась общественной организацией, имела четкую, по-военному организованную структуру. Существовала она уже более сорока лет, и основным направлением ее деятельности являлась помощь в уходе за пациентами психиатрических клиник. Почему именно это?

Заглянув в городской справочник, Ре-Ранкар узнал, что Миссия Милосердия была основана на деньги некоего пожелавшего остаться неизвестным финансиста. Далее городской справочник сообщал, что у этого анонимного мецената были трое детей. И все трое страдали психическим расстройством – наследственным заболеванием, связанным с нарушением работы ферментативной системы. Развитие медицины привело к тому, что в настоящее время это заболевание диагностируется в первые же дни после рождения ребенка, и несложная, но строгая диета позволяет избежать страшных последствий. Но прежде причина смертельного недуга,

внезапно поражавшего детей семи-, восьмилетнего возраста, была неизвестна, а потому и сама болезнь считалась неизлечимой. Будущий основатель Миссии Милосердия потратил огромные деньги, пытаясь спасти своих детей. Но их болезнь прогрессировала, и все трое, один за другим, закончили свои дни в психиатрической клинике. Несмотря на то что это были дорогие частные клиники, отец несчастных детей был поражен отношением персонала к больным. Внешне демонстрируя заботу о подопечных, врачи и санитары, в большинстве своем, уже не считали их людьми. И отношение к ним было соответствующее – внешне корректное, но, по сути, пренебрежительное, а то и откровенно презрительное. Что же, в таком случае, творилось в бесплатных муниципальных клиниках? Задавшись этим вопросом уже после смерти последнего из своих отпрысков, безымянный финансист тайно, не называя себя, посетил несколько муниципальных психиатрических клиник. Увиденное там повергло его в ужас. Моральные и физические страдания психически неполноценных людей стократно возрастали из-за невыносимых, буквально нечеловеческих условий, в которых им приходилось влачить свое жалкое существование, и того, как относился к ним персонал клиник. И тогда наш безымянный герой основал Миссию Милосердия, которой и завещал все свои немалые капиталы. Правление Миссии имело право распоряжаться лишь процентами с лежащих в банке денег, но судя по тому, насколько широко они развернули свою де-

тельность, это были надежные вклады.

Такова была официальная история Миссии Милосердия. Однако, копнув чуть глубже, Ре-Ранкар узнал, что, помимо своей основной, заявленной в уставе деятельности, Миссия так же имеет лицензию на оптовые поставки алкоголя и осуществляет крупные операции с недвижимостью. Это на вполне законных основаниях. Неофициально же, как по секрету сообщил Ре-Ранкару один из его информаторов, входящий в длинные и запутанные, что твой лабиринт, коридоры власти, Миссия Милосердия занималась отмыванием денег. И работали они не с мелкими бандюками и уличными наркоторсерами, а с людьми высокопоставленными и весьма уважаемыми, которым тоже, случалось, требовалась подобная помощь. Естественно, ни одно имя не было названо. Однако вопрос вроде – как же им это сходит с рук? – обратился в прах после того, как Ре-Ранкару удалось достать полный список правления Миссии Милосердия. По сравнению с теми, кто был в нем обозначен, Ни-Нартор был не просто мелкой рыбешкой, а букашкой, ползающей, никем не замеченной, в густой траве. И тем не менее если начать копать в данном направлении, то, кто знает, как далеко это может завести? И с какими силами противодействия придется столкнуться тогда старшему дознавателю Ре-Ранкару?

Ре-Ранкар никогда и ни под кого не подстраивался. Он делал свое дело. Его задачей было найти преступника. А уж приговор пусть выносит судья. Однако желание старшего до-

знавателя Ре-Ранкара остаться честным и докопаться до истины вовсе не входило в конфликт с намерением сохранить голову целой. Поэтому для начала он решил отработать версию, в соответствии с которой убийцей миссионера мог оказаться один из бывших пациентов психиатрической клиники, патронируемой отделением Миссии Милосердия, во главе которого стоял при жизни Ни-Нартор. И вовсе не потому, что им двигало в первую очередь чувство самосохранения, а потому, что эта версия и в самом деле казалась наиболее очевидной.

Но ровно через неделю после убийства Ни-Нартора появился новый труп со вспоротым животом. Как и в первом случае, убийца проник в дом жертвы, не применяя взлома. Правда, это был уже не частный коттедж, а дорогая двухуровневая квартира в фешенебельном доме на 12-й линии. Жертва получила нескаин, растворенный в бокале белого вина, после чего убийца сделал свое мерзкое дело и удалился, оставив квартиру нетронутой. Лишь нарисовал углем на стене круг, разделенный на шесть секторов. Но теперь он закрасил два прилегающих друг к другу сектора. Орудие убийства, по заключению экспертов, было то же самое, что и при убийстве Ни-Нартора.

Опрос соседей ровным счетом ничего не дал. Все они в один голос утверждали, что не встречали в вечер убийства на лестнице или в лифте чужих, не знакомых им людей. И никаких странных, подозрительных звуков никто тоже не слы-

шал. Однако вскоре выяснилось, что этажом выше квартиры, в которой было совершено преступление, проходила многолюдная и довольно шумная вечеринка. Гости, а число их приближалось к сотне, начали собираться часов в шесть вечера и разошлись только под утро. Тогда Ре-Ранкар провел повторный опрос свидетелей, делая особый акцент на гостях вечеринки; ему с трудом верилось, что всех их соседи знали хотя бы в лицо. Ну, это же все свои – улыбались в ответ свидетели. Они пришли в гости к мэю Ди-Дирку, известному телепродюсеру. Видели телешоу «Сам не свой»? Так это он его и придумал! Мэй Ди-Дирк! Названного телешоу Ре-Ранкар не видел, – он вообще редко смотрел телевизор, – но он понял, в чем тут дело. В доме жили люди искусства. Или же считавшие себя таковыми. Все уважаемые люди. А значит, и гости, приходившие к любому из них, автоматически зачислялись в разряд своих – уважаемых людей искусства. Мир искусства, как известно, довольно тесен, и, как правило, все вращающиеся в этой сфере знают друг друга. А если и не знают, то спешат познакомиться. При таком подходе к делу убийце ничего не стоило затеряться среди гостей.

Последние сомнения дознавателя насчет того, как преступник проник в дом жертвы, развеял портье, дежуривший в день убийства. Да, конечно, он был заранее осведомлен о том, что этой ночью у мэя Ди-Дирка будут гости. Много гостей, именно так. Конечно, у него имелся список приглашенных – портье торжественно вручил старшему дознавателю

две страницы убористого машинописного текста. Нет, он не требовал, чтобы гости предъявляли документы, только просил, чтобы они себя назвали, и проверял имя по списку. Да, конечно, были и те, кто оказались не внесены в список. Но в таком случае он звонил мэю Ди-Дирку и спрашивал его согласие на то, чтобы гость прошел. Нет, мэй Ди-Дирк никому не отказал. Он вообще чрезвычайно милый человек и очень любит гостей. Да, у него часто бывают вечеринки. Раз в неделю. Как минимум. Не всегда такие же большие и шумные, как в этот раз... Но ведь и повод был – говорят, мэй Ди-Дирк заключил очень выгодный контракт на съемки нового телешоу... Вы, конечно же, видели «Сам не свой»?.. Что вы говорите?.. Могло ли какое-то из списочных имен прозвучать дважды? В принципе, конечно, почему бы и нет?.. Да, наверное, могло быть и так... Только какой в этом смысл? Мэй Ди-Дирк, конечно же, знает, кого пригласил!.. Не показались ли кто-то из гостей подозрительным? Ну, что вы! Это же все уважаемые люди!.. Вообще-то к нашим жильцам нередко заходят гости. Часто большими компаниями. Чуть ли не каждый день у кого-нибудь вечеринка. А то и не одна. Ну, да, бывает, что и пошумят. Но никаких серьезных эксцессов. Ни-ка-ких!.. Вообще... А что сегодня?.. Убийство?.. Какое это имеет отношение к вечеринке мэя Ди-Дирка?

Убитую звали Ин-Илиа. При жизни она была модным критиком, пишущим исключительно для дорогих, толстых, глянцевого журналов. Что такое «модный критик», Ре-Ран-

кар узнал, пообщавшись с сотрудниками изданий, в которых публиковалась Ин-Илиа.

– У нее был несомненный талант, – сообщили ему в первой редакции. – И при этом чутье на скандалы.

– Дерьмо она могла унюхать за сотню километров, – сказали в другой. – А перо у нее действительно было бойким.

– У нее не было определенной специализации, – уточнили в третьей редакции. – Она могла писать об всем: о театре и литературе, о моде и кулинарии, о собачьих выставках и конкурсах флористов.

– Как ей это удавалось? – добавили в четвертой редакции. – Да очень просто! Она не вникала в суть того, о чем собиралась писать. Ей это было ни к чему. Потому что она умела вычленить главное. И у нее не было никаких моральных принципов. Вы понимаете? НИ-КА-КИХ!

– Она знала, как больнее ударить, – объяснили в пятой. – У нее не было ни капли сострадания. Я даже подумать боюсь, сколько судеб она разрушила своей безжалостной и зачастую совершенно необоснованной критикой.

– Почему мы публиковали ее статьи? – искренне недоумевали сотрудники шестой редакции. – Да потому что они нравились читателям! Если бы мы печатали серьезные аналитические работы, объективно рассматривающие все достоинства и недостатки того или иного произведения, мы бы в скором времени потеряли всех своих подписчиков! Читателю нужен скандал. Он визжит от восторга, когда у него на

глазах кого-то грубо хватают за волосы и окунают в чан с грязью. У Ин-Илии это получалась бесподобно. Для нее не существовало авторитетов. Любое, самое гениальное произведение она могла разодрать в клочья.

Любили ли ее? Нет – она была стервой, каких поискать. Она не могла разговаривать на отвлеченные темы – ей непременно нужно было кого-нибудь язвить. Знакомого, незнакомого, по поводу или без – не имело значения. С ней невозможно было находиться в одном помещении более двух минут. После этого хотелось либо уйти, громко хлопнув дверью, либо вклеить ей звонкую пощечину и выставить за порог. У таких людей в принципе не может быть друзей. Были ли у нее враги? Еще бы! Число судебных, изломанных и растоптанных ее безжалостными статьями, должно быть, перевалило за сотню. Зачем перечислять имена – возьмите подборку ее статей. Все, к чему бы ни прикасалась Ин-Илия, обращалось в прах... Мог ли кто-то из них убить Ин-Илию? Трудно сказать. Но все они, несомненно, желали ей смерти.

Полную библиографию Ин-Илии составляли сто семьдесят две статьи и триста восемьдесят две короткие рецензии. Чтобы составить впечатление о стиле и методе работы «модного критика» Ре-Ранкару оказалось достаточно прочитать три из них. Статьи действительно были написаны бойко и живым языком, но при этом не вызывали ничего, кроме омерзения. Ин-Илия легко, не утруждая себя доказательствами, объявляла творцов бездарями и плагиаторами. Вме-

сто серьезных доводов, она апеллировала к мнению читателей. Любимыми ее фразами были: «этого не увидит только слепой», «даже дураку понятно», «ну, кто же этого не знает». Естественно, читатели не хотели чувствовать себя дураками, а потому легко соглашались со всей той околесицей, что несла Ин-Илиа.

Составив список всех, кто был упомянут в статьях Ин-Илии, Ре-Ранкар первым делом проверил, не проходил ли кто-нибудь из них лечения в психиатрической клинике. Таких оказалось больше, чем он ожидал, – двадцать один человек. С них Ре-Ранкар и начал проверку – психиатрическая лечебница могла оказаться тем звеном, которое связало бы смерти Ин-Илии и Ни-Нартора.

Трое из составленного Ре-Ранкаром короткого списка, как выяснилось, уже умерли. Двое, узнав о смерти Ин-Илии, разразились истерическим хохотом. Четверо вежливо поблагодарили Ре-Ранкара за приятную новость. Остальные выразили сожаление, что кто-то их опередил. Сожаления были вполне искренними, однако ни один из признавшихся в этом не показался Ре-Ранкару похожим на убийцу. К тому же семеро из них жили в других городах и не покидали их в день убийства. Те же, что проживали в Рен-Гатаре, имели твердое алиби.

В конце недели, которую Ре-Ранкар посвятил знакомству с критическими опусами Ин-Илии и ее жертвами, произошло третье убийство. Схема была та же, что и в двух преды-

дущих случаях. Не прибегая к взлому, убийца поздно вечером проник в дом, влил в бокал с вином своей жертвы нескаин, когда анестетик подействовал, пустил в дело обоюдоострый нож и удалился, ничего не тронув в доме. Но оставил на стене круг, нарисованный черным угольным карандашом, в котором на этот раз были замазаны три из шести секторов. И – все. Никаких следов. Ни отпечатков пальцев, совпадающих с найденными в домах предыдущих жертв, ни звуков борьбы, которые могли бы услышать соседи. «Чистое» убийство.

Третьей жертвой явно метящего в серийные убийцы стал некто Ти-Ташан. Профессиональный комик, не добившийся на этом поприще больших успехов, он выступал исключительно в клубах и небольших ресторанчиках, развлекая жующую и пьющую публику. Еще будучи начинающим артистом, Ти-Ташан, как многие до и после него, пытался заручиться поддержкой профессионального импресарио. В разное время два признанных специалиста в области шоу-бизнеса пробовали работать с ним, но спустя несколько месяцев отказались от дальнейшего сотрудничества. В беседе с Ре-Ранкаром первый назвал Ти-Ташана неудачником, второй – полной бездарностью. В последнем Ре-Ранкар убедился сам, посмотрев несколько записей выступлений Ти-Ташана из его богатой домашней коллекции.

Бармен из ресторанчика «Уголок», в котором нередко выступал Ти-Ташан, рассказал старшему дознавателю, что, в отличие от импресарио, сам артист считал себя гением, до

поры до времени непризнанным. А потому старался запечатлеть едва ли не каждый миг своей жизни, полагая, что, когда он достигнет вершин успеха, все отснятые пленки окажутся востребованы и обернутся звонкой монетой. У Ти-Ташана не было ни близких родственников, ни друзей. Вся его жизнь была работой. Если он не выступал, то готовил новые номера. Или бегал по ресторанам и клубам, договариваясь о выступлениях. Хозяева подобных заведений, а также бармены, официантки и вышибалы – вот та публика, с которой в основном общался Ти-Ташан. Как ни странно, все они очень хорошо о нем отзывались. Да, талантом Ти-Ташан не блистал, но при этом был милым, спокойным и отзывчивым человеком. По мнению тех, кто его знал, основным критерием высоких моральных качеств Ти-Ташана служило то, что у него всегда можно было перехватить в долг десятку. Он никогда и никому не отказывал, даже если это была его последняя десятка. Да, шоу-бизнес – жестокий бизнес. Здесь каждый готов конкуренту глотку перегрызть. Но у Ти-Ташана конкурентов не было. Почему? Да потому что он занимал нишу, на которую никто бы больше не позарился. Он пытался веселить людей, которые пришли для того, чтобы поесть. Если кто и хлопал ему, так только пьяные. Но он и эти аплодисменты принимал с гордостью. Кто мог желать ему смерти? Да никто! У Ти-Ташана не было ни врагов, ни завистников, ни даже обычных недоброжелателей. Такой уж он был человек – не от мира сего. Хотел добиться известности и

славы, но понятия не имел, что для этого требуется. Вернее, у него были какие-то свои представления об универсальной формуле успеха, то ли с потолка схваченные, то ли из пальца высосанные. По мнению тех, кто его знал, Ти-Ташан не жил, а будто парил над жизнью. Именно поэтому и смерть его ни у кого не вызвала каких-то особых эмоций. Был человек – и не стало. Ну, что ж, такое тоже случается. Особенно с теми, кто живет не как все.

После третьего убийства смотритель участка приказал Ре-Ранкару передать все остальные дела, которые он вел, другим дознавателям и вплотную заняться поисками убийцы, рисующего на стенах круги. Под его непосредственное начало были выделены три стража и два криминалиста. Следственная группа – это серьезно. Наверное, никто уже не сомневался в том, что в течение недели псих с обоюдоострым ножом совершит очередное убийство. И, если предотвратить его не представлялось возможным, нужно было сделать все для того, чтобы пресса не подняла вой, обвиняя, как водится, стражей порядка в полной беспомощности и неспособности защитить честных, законопослушных граждан от безумных выродков. Случись такое, и дело тут же заберет себе Служба стражей Анклава. А для дознавателей рестрикта передача дела в ССА означает если не понижение в должности, то уж точно жирный черный крест на перспективе дальнейшего карьерного роста.

Ре-Ранкару на карьеру было плевать. Но он хотел сам до-

вести это расследование до конца. И дело тут было вовсе не в уязвленном самолюбии, а в том, что у старшего дознавателя было очень странное, никогда не посещавшее его прежде предчувствие. Чем больше Ре-Ранкар узнавал о жертвах маньяка, тем непонятнее становились для него мотивы преступления. Но при этом у старшего дознавателя складывалось впечатление, что он знает убийцу. Он встречался с ним прежде. Видел его лицо. И не хватает лишь нескольких незначительных штрихов для того, чтобы он вспомнил его. Это было похоже на бред. Но Ре-Ранкару никак не удавалось отделаться от этого наваждения. Чтобы снова обрести покой, он должен был найти убийцу.

Ре-Ранкар взял со стола кружку остывшего кифа и сделал глоток. Холодный киф был неприятен на вкус, но идти за свежим не хотелось.

Итак – три убийства. Совершенные, судя по всему, одним и тем же человеком. Три жертвы, не имеющие между собой ничего общего. Вращавшиеся в совершенно разных кругах общества. Но у убийцы имелся какой-то свой принцип, в соответствии с которым он выбрал именно их. И этим же принципом он будет руководствоваться в дальнейшем. Для того чтобы найти маньяка, требовалось понять его извращенную логику. На все вопросы «как?» должны ответить эксперты. Старший дознаватель Ре-Ранкар обязан найти ответ на вопрос «почему?».

Звякнуло стекло ударившейся о стену двери. Стопор надо

поставить, подумал Ре-Ранкар, иначе кто-нибудь непременно стекло высадит.

– Ре-Ранкар! К зрителю!

Влетевший в кабинет дежурный мотнул головой, вроде как указывая направление, и, хлопнув дверью, побежал дальше по своим делам.

Ре-Ранкар задумчиво посмотрел на трубку стоявшего на углу стола черного телефонного аппарата. Зритель участка не позвонил ему, а вызвал через дежурного. Как правило, подобный жест не предвещал ничего хорошего.

Аккуратно собрав папки с делами, старший дознаватель убрал их в стол и запер дверцу на ключ.

Видимо, информация об орудующем в рестрикте маньяке все же дошла до стражей порядка Анклава. На зрителя участка надавили сверху, и он вызвал к себе ответственного за дело старшего дознавателя, чтобы потребовать информацию о ходе расследования. А что мог сообщить ему Ре-Ранкар? Фактически ничего нового. Ни одно из предпринятых им следственных действий не принесло результатов. Никаких. Три «чистых» убийства в течение месяца. Для одного рестрикта это, пожалуй что, многовато.

Общий зал гудел, как потревоженный пчелиный улей. Из неразборчивого многоголосого гомона выплескивались отдельные слова и обрывки фраз, по которым можно было составить представление о том, чем живет тринадцатый участок стражей порядка.

- ...два ножевых ранения...
- ...был вынужден применить оружие...
- ...звонили! я точно знаю!..
- ...полкило наркоты для личного употребления?..
- ...машину опять разбил...
- ...брось, начальник...
- ...не суй! Не суй мне эту дрянь!..
- ...рука затекла...
- ...семь угонов, три вооруженных нападения...
- ...вынужден! Именно вынужден применить оружие!..
- ...зверье!..
- ...сам бы пристрелил гада!..

Ре-Ранкар походя отвесил звонкий подзатыльник бритоголовому малому, оравшему на задержавшего его стража так, словно это была его девка, опоздавшая на свидание, протиснулся между двумя стоявшими почти что впритык столами и учтивым жестом попросил самозабвенно щебетавшую полную даму освободить проход. Оказавшись у двери кабинета зрителя, старший дознаватель быстро одернул манжеты, двумя пальцами поправил воротник относительно свежей рубашки, ладонью провел по волосам и привычным движением коснулся холодного металлического браслета вариатора на левом запястье – порядок, на месте. Пиджак был измят так, будто он его неделю не снимал, но с этим уже ничего нельзя было сделать. А галстуков Ре-Ранкар никогда не носил. Сделав все, что было в его силах, для того, чтобы

выглядеть подобающим образом, Ре-Ранкар дважды коротко стукнул в дверь и, не дожидаясь ответа, вошел.

Главным украшением стола смотрителя участка была огромная посеребренная подставка для такой же внушительной авторучки, напоминающей готовую стартовать ракету. Писать ею было крайне неудобно, а потому, если она вдруг оказывалась в руке у хозяина кабинета, означать это могло лишь одно – смотритель участка пребывает в крайне отвратительном расположении духа. Пытался ли он таким образом успокоить себя или, напротив, подхлестывал kloko-чушую внутри него злость – об этом стражи тринадцатого участка спорили уже не первый год. Как бы там ни было, сейчас смотритель участка самозабвенно чиркал своей огромной авторучкой какие-то бумаги. Завизированные листы летели на угол, какие-то, скользя, планировали на пол, но смотритель даже внимания на это не обращал. Не до того, видно, ему было. Глянув исподлобья на вошедшего Ре-Ранкара, смотритель молча ткнул концом авторучки в пустое кресло напротив – садись, мол, – и снова взялся бумагу марать.

Ре-Ранкар сел в кресло и постарался принять свободную, расслабленную позу – он спокоен и уверен в себе. Взгляд старшего дознавателя скользнул по стене, секунду задержался на дипломе в строгой металлической рамочке, перепрыгнул на электрический чайник, стоявший на журнальном столике в углу, медленно прополз по испещренному дождевы-

ми каплями оконному стеклу и остановился на обрамленной редким венчиком рыжих волос лысине зрителя. Глядя на зрителя тринадцатого участка, трудно было поверить в то, что когда-то он тоже был рядовым стражем порядка и бегал по грязным улицам Центрального рестрикта, гоняясь за мелкими правонарушителями, которые почему-то всегда делают вид, что не слышат команду «Стоять!». Ныне он был тяжел и тучен. Настолько, что с трудом умещался в кресле. В участке поговаривали, что зритель тяжело и, судя по всему, безнадежно болен. Но, даже если это было и так, он не позволял болезни взять над собой верх. Во всяком случае, пока находился на службе.

Отбросив на угол стола последний лист бумаги, зритель, как копье, воткнул авторучку в подставку, сцепил пальцы в сейфовый замок и устремил гневный взгляд на старшего дознавателя. Ре-Ранкар почувствовал себя, как на сковородке, которая медленно нагревается на огне. Он чуть приподнял брови и попытался придать лицу сосредоточенное выражение.

– Четвертый, – процедил сквозь стиснутые зубы зритель.

Прозвучало это как вердикт: «Виновен!» Ре-Ранкар сжал кулаки.

Зритель перевел взгляд на табло вариатора – блестящий металлический браслет врезался в толстое, густо поросшее длинными рыжими волосками запястье, – недовольно

поморщился, снова поймал старшего дознавателя в прицел бледно-голубых, будто выцветших глаз и с нажимом повторил:

– Четвертый!

– Когда?

– Видимо, прошлой ночью. По предварительным оценкам стражей, прибывших по вызову, труп пролежал не меньше суток.

– Где?

– 18-й Разъезд.

– Это Второй Пригородный рестрикт.

– Спасибо, что просветил, – саркастически усмехнулся смотритель. – Рестрикт-то, может быть, и Пригородный, но убийца твой. Так что бери машину и дуй на место преступления. Я попросил смотрителя двадцать седьмого участка оценить место преступления и ничего не трогать до твоего прибытия.

– Понял. – Ре-Ранкар ухватился руками за подлокотники, собираясь встать.

– И вот еще что, – жестом остановил его смотритель. – Это должно быть последнее убийство. Ты понял, Ре-Ранкар? – Смотритель поднял вверх толстый указательный палец. – Последнее! Информация о твоём маньяке уже дошла до Службы стражей Анклава. Если он выпотрошит еще одного, они заберут у нас дело. Понял?

– Да! – ответил Ре-Ранкар.

А что он еще должен был сказать? Смотритель участка не хуже его знал, что дело стоит на мертвой точке. Смотритель отработывал свою обязательную программу, старший дознаватель – свою. Решив, что разговор окончен, Ре-Ранкар поднялся на ноги и направился к двери.

– Стой! – окликнул его смотритель.

Ре-Ранкар обернулся.

– Я сказал, что, если мы сами не поймаем убийцу до того, как он еще кого-нибудь порешит, ССА заберет дело себе.

– Я понял, – кивнул старший дознаватель.

– А пока они направили в помощь тебе криминалиста-психолога.

– Кого? – недовольно скривился Ре-Ранкар.

– Все! – махнул широкой лапищей смотритель. – Вопрос не обсуждается! Он ждет тебя на месте преступления!

Опуская руку, смотритель поправил на запястье браслет вариатора, глянул на табло, на секунду задумался и нажал кнопку ручной установки.

Ре-Ранкар вышел. За спиной у него хлопнула дверь. Ему никак не удавалась начертить мысленно круг, в центре которого должен оказаться убийца.

* * *

Дождь, зарядивший с Полуденной Луны, и не думал стихать. Ему ни до кого нет дела; живые, мертвый – дождю все

равно. Отличная, надо сказать, позиция. Если относиться к жизни так же легко и просто, как дождь, то никакой вариант не нужен.

Пригнувшись, Ре-Ранкар прикрыл голову краем пиджака и вышел из машины.

Место преступления – небольшой одноэтажный коттедж, в ряду точно таких же стандартных построек – было обнесено синей заградительной лентой. Неподалеку от входа стояли две машины стражей порядка и синий медицинский фургончик – санитары ждали, когда можно будет забрать труп. И, несмотря на проливной дождь, вплотную к линии ограждения жались десятка два прикрывшихся зонтами зевак. Как же без них! Если бы погода была ясной, сквозь плотный строй этих бездельников было бы не протолкнуться! Всякий раз, оказавшись на месте преступления, Ре-Ранкар видел этих странных представителей рода человеческого, с широко раскрытыми глазами и разинутыми ртами глядящих на дорожку, ведущую к дому, где было совершено убийство. Что притягивает их, думал Ре-Ранкар, что вызывает интерес? Работа стражей порядка или же сама смерть? Что за странная аура окружает место, где не так давно была пролита кровь?

– Ну, наконец дождались! – приветствовал Ре-Ранкара старший дознаватель из двадцать седьмого участка Ги-Грумер.

– Привет. – Ре-Ранкар нырнул под широкий зонт, что дер-

жал Ги-Грумер, и пожал коллеге руку.

– Не прислоняйся ко мне, – попытался отстраниться от него Ги-Грумер. – Ты весь мокрый. А у меня костюм новый. Пойдем в дом.

– Постой! – схватил его за локоть Ре-Ранкар.

– Не трогай меня! – дернул рукой Ги-Грумер.

Ре-Ранкар внимательно посмотрел по сторонам. Он пытался представить себе это место без синей ленты ограждения, без машин и зевак – таким, каким видел его убийца, подходя к дому.

– Кто обнаружил тело?

– Посыльный из магазина. Он раз в два дня доставлял убитой продукты. По заранее составленному списку. Придя сегодня...

– Во сколько? – перебил Ре-Ранкар.

– Говорит, что где-то после Полуденной Луны.

– А точнее?

– Куда уж точнее, – усмехнулся Ги-Грумер. – У парнишки шок после того, что он увидел в доме. Он и сейчас еще плохо соображает.

– Он вызвал стражей сразу, как обнаружил тело?

– Стражей вызвали соседи. Парень выбежал на улицу и принялся орать благим матом, зовя на помощь. А уж сколько он там пробыл в доме – это он тебе потом сам расскажет, когда в себя придет.

– Ладно. – Ре-Ранкар взялся за ручку зонта, что держал в

руке Ги-Грумер. – Пошли в дом.

– Не прикасайся ко мне!

Страж в черном водонепроницаемом плаще, стоявший на вымощенной серой плиткой дорожке, при их приближении поднял ленту ограждения.

– Почему стражам выдают плащи, а дознавателям – нет? – спросил Ре-Ранкар у коллеги.

– Дознаватель должен иметь респектабельный вид, – ответил тот. – Хотя, – Ги-Грумер окинул насмешливым взглядом мокрый, сильно помятый пиджак и мешковатые брюки Ре-Ранкара. – Тебе могли бы и плащ выдать. Кстати! Тебя тут одна дамочка дожидается!

– Какая еще дамочка? – непонимающе сдвинул брови Ре-Ранкар.

– Симпатичная, – расплылся в слащавой улыбке Ги-Грумер.

– Где?

– Да вон, возле двери под навесом стоит.

Ги-Грумер не соврал – женщина в красном блестящем плаще с поднятым воротником, стоявшая возле входа в дом, была если и не красавица, то очень, очень мила. Открытое, чуть вытянутое лицо, большие нежно-зеленые, как только что проклюнувшиеся листочки, глаза; светлые волосы расчесаны на прямой пробор и убраны назад, а две тоненькие косички, тянущиеся от висков, стянуты узелком на затылке.

– Вы – соседка? – спросил, подойдя к ней Ре-Ранкар.

Ги-Грумер в немом ужасе закатил глаза.

– А вы – старший дознаватель Ре-Ранкар? – спросила в ответ женщина.

– Да. – Ре-Ранкар откинул назад упавшую на лоб прядь мокрых волос.

– Криминалист-психолог Ал-Алия. – Блондинка сунула под нос Ре-Ранкару развернутое удостоверение. – Направлена к вам...

– Да, знаю, – перебил Ре-Ранкар. – Вон, видите, авто. – Он указал на черный служебный «Кафар», на котором только что приехал. – Садитесь, вас отвезут в участок. После того как мы тут закончим...

– Я должна осмотреть место преступления, – сказано это было негромко, но таким тоном, что Ре-Ранкар понял – спорить с этой дамочкой бесполезно.

– Вы уверены? – спросил он все же на всякий случай. – Дознаватель Ги-Грумер уверяет, что картина внутри...

– Я уже двенадцать лет работаю криминалистом-психологом, – вновь перебила дознавателя Ал-Алия. – Мне много чего довелось повидать.

Ре-Ранкар удивленно хмыкнул. На вид Ал-Алии было лет тридцать пять. Ну, максимум, тридцать семь. Выходит, она сразу после Академии попала в ССА? И не стажером, как водится, а уже криминалистом?

– Хорошо. – Ре-Ранкар провел ладонью по промокнутому насквозь рукаву пиджака. – Только больше не перебивайте

меня.

Ал-Алия улыбнулась – улыбка у нее была очень красивая, это даже Ре-Ранкар отметил – и дважды нажала кнопку ручного переключателя вариатора. Вот это Ре-Ранкару не понравилось – он не любил, когда люди, с которыми он работал, то и дело меняли базовые установки личности. На работе каждый должен оставаться самим собой. Но он не стал ничего говорить Ал-Алии – она психолог, ей виднее.

Прежде, чем войти в дом, Ре-Ранкар надел тонкие резиновые перчатки и, присев на корточки, осмотрел дверной замок. Никаких следов взлома – как и следовало ожидать.

– Личность убитой установлена? – спросил он у Ги-Грумера, входя в прихожую.

– Ол-Онару, – коротко ответил тот.

– Дальше, – кивнул Ре-Ранкар.

– Что дальше? – Ги-Грумер стряхнул с зонтика воду, закрыл его и поставил в угол.

– Кто она такая? Сколько лет? Кем работает?..

Посмотрев на коллегу, Ре-Ранкар невольно запнулся – взгляд у того был недоумевающий и насмешливый одновременно. Подобное кажется невозможным, но Ги-Грумеру удалось выразить взглядом все, что он думал о старшем дознавателе, которому предстояло вести расследование убийства.

– Убита Ол-Онару, – медленно повторил он, как будто с идиотом разговаривал.

– Так, – кивнул Ре-Ранкар. – Это я уже слышал.

– Ты не знаешь, кто такая Ол-Онару?

– А почему я должен ее знать? – непонимающе пожал плечами Ре-Ранкар.

– Ол-Онару, – еще раз повторил Ги-Грумер и умолк, как будто все еще надеялся, что Ре-Ранкар вдруг улыбнется и скажет, что пошутил. Но Ре-Ранкар молча ждал продолжения.

– Лет пятнадцать назад Ол-Онару блистала в телесериалах, – прервала затянувшееся молчание Ал-Алия. – Ее ампула были несчастные, обманутые коварными соблазнительями красоты. Потом звезда ее закатилась. Нельзя всю жизнь играть молоденьких дурочек, а в новом качестве Ол-Онару себя найти не смогла. Как результат – жизнь в забвении. О ней не вспоминали ни продюсеры, ни бывшие поклонники. Зато теперь, после смерти, она снова станет звездой.

– Вот почему вас посадили мне на хвост! – нацелил указательный палец на психолога Ре-Ранкар.

– Конечно, – не стала отрицать очевидного Ал-Алия. – Уже сегодня вечерние газеты выйдут с огромными статьями на первых полосах, рассказывающих о трагической смерти некогда всеми обожаемой знаменитости. А завтра они сообщат читателям, что Ол-Онару стала еще одной жертвой орудующего в городе маньяка. И, само собой, не забудут упомянуть о беспомощности стражей порядка.

Не зная, что на это сказать, Ре-Ранкар хмыкнул безнадежно, качнул головой и пошел в комнату.

– Отпечатки и снимки! – скомандовал он приехавшим с ним криминалистам. – Стандартная процедура!

Обстановка в доме была более чем скромная. Вся мебель если и не на барахолке куплена, то получена по наследству от пережившей всех своих внуков прабабки. Разнообразили интерьер только стоявшие повсюду засохшие полевые цветы и пожелтевшие кружевные салфеточки, которые хозяйка дома не иначе как сама крючком вязала. Вот вам и удел бывшей телезвезды. Увы, земная слава куда как скоротечнее, нежели думают те, кто ее однажды вкусил.

– Слушай, ты действительно не знал, кто такая Ол-Она-ру? – прицепился к Ре-Ранкару Ги-Грумер.

– Я не смотрю телевизор, – коротко бросил на ходу дознаватель.

– Я тоже не смотрю сериалы! – Широко раскинул руки в стороны Ги-Грумер. – Но вот жена...

– У меня нет жены, – поставил точку в обсуждении темы Ре-Ранкар.

Чистота и порядок в доме были идеальными. Каждая безделушка стояла строго на своем месте. Видимо, пожилая дама только тем и занималась, что целыми дням стирала пыль, мыла стекла и чистила металлические ручки.

Тело жертвы находилось в небольшой гостиной. Оно лежало возле овального обеденного стола, в центре которого на кружевной салфеточке стояла ваза с большим букетом засохших цветов. Букет на столе разительно отличался от осталь-

ных, что украшали дом. Казалось, он был составлен на заказ профессиональным флористом и стоил, должно быть, не дешево. К тому же – Ре-Ранкар осторожно потер пальцами один из завядших лепестков – и засушен он был не так давно; самое большое – неделя. Ближе к краю стояла откупоренная бутылка красного вина «Беленкум» и два бокала с остатками вина на дне. В одном из них – и гадать нечего – был растворен нескаин, а на другом, конечно же, не было никаких отпечатков пальцев. Экспертиза в данном случае требовалась как чисто формальное подтверждение фактов, которые лично у Ре-Ранкара не вызывали ни малейших сомнений.

На стене, возле книжного шкафа, был нарисован черный круг с четырьмя закрашенными секторами.

– Твой клиент? – тихо спросил у Ре-Ранкара Ги-Грумер.

Ре-Ранкар молча кивнул.

– Подонок, – покачал головой Ги-Грумер. – Что ему нужно?

– Ему нужно мозги вправить, – ответил Ре-Ранкар.

Ал-Алия достала из кармана плаща портативный фотоаппарат и, присев на корточки, сфотографировала нарисованный на стене круг. Затем отошла на два шага в сторону и сделала снимок того же места с другой точки.

– У нас есть фотограф, – недовольно буркнул Ре-Ранкар.

– Я снимаю то, что представляет интерес для меня, – ответила Ал-Алия и навела объектив фотоаппарата на вазу с засохшими цветами. – Почему она держала дома засохшие

цветы?

– Откуда я знаю? – пожал плечами Ре-Ранкар.

– Потому что засохшие травы символизируют грусть, – сама же ответила на вопрос Ал-Алия.

– Ну и что? – непонимающе посмотрел на нее Ре-Ранкар.

Ал-Алия опустила фотоаппарат и внимательно, как на древний, загадочный артефакт, посмотрела на старшего дознавателя.

– На других местах преступлений тоже должны были находиться какие-то символические образы.

– Я не заметил. – Ре-Ранкар отвернулся, сделав вид, что рассматривает корешки книг за стеклом шкафа. «Лезет не в свое дело, – подумал он про себя. – Символы ей, видишь ли, нужны. А мне нужен убийца».

В ровном ряду книг был выдвинут чуть вперед толстый том с названием на корешке «Убийство и расплата».

– Интересная книга, – сказала, выглянув у него из-за плеча, Ал-Алия.

– Не знаю, не читал, – недовольно буркнул в ответ Ре-Ранкар.

– Напрасно, очень советую. Кстати, и издание редкое – с иллюстрациями Же-Жалаи. Если бы книга была еще и с автографом автора, ей бы цены не было.

– А что, автор давно умер?

– Несколько лет назад. Но он вел жизнь затворника, никогда не встречался с читателями и если подписывал свои

книги, то только близким друзьям.

– Ол-Онару входила в их число?

– Не исключено.

Ре-Ранкар потер подбородок ладонью. Мысль сразу же начала работать в требуемом направлении.

– Как звали автора?

Ал-Алия бросила удивленный взгляд на старшего дознавателя.

– Бо-Бероу... Вы вообще ничего о нем не слышали?

– Мимо, – разочарованно щелкнул пальцами Ре-Ранкар.

– В каком смысле? – не поняла Ал-Алия.

– Ин-Илия ничего о нем не писала.

– Ты будешь осматривать тело? – окликнул Ре-Ранкара Ги-Грумер.

– Я уже видел три очень похожих на это... – Ре-Ранкар посмотрел на труп и не то с сожалением, не то с тоской вздохнул. – Зу-Зандер! – В дверном проеме показался молодой парень с фотоаппаратом на шее. – Сделай тут несколько снимков. – Старший дознаватель широким жестом обвел комнату. – А потом кликни санитаров, пусть заберут тело.

Осторожно, чтобы не наступить в пятно запекшейся крови, Ре-Ранкар подошел к столу.

– Жертва курила?

– В доме не чувствуется запаха дыма, – покачал головой Ги-Грумер. – И пепельниц нигде не видно.

Дешевая одноразовая пластиковая зажигалка, лежавшая на краю стола, выглядела инородным предметом. Ей было не место в этом доме. Значит, она могла принадлежать убийце. Но зачем он доставал зажигалку? Если бы он курил, в доме до сих пор ощущался бы запах табачного дыма. Кроме того, странно было, что при его педантичности и аккуратности – три убийства и ни одного следа, ни единого отпечатка пальца – он забыл на столе зажигалку.

Ре-Ранкар осторожно взял зажигалку двумя пальцами за торцы. Черный непрозрачный пластик, на боку надпись «Ка-раоке-бар «Зажигай!». Ре-Ранкар аккуратно уложил зажигалку в пластиковый пакетик.

– Ки-Клаймер. – Он протянул пакет с зажигалкой эксперту, искавшему отпечатки пальцев на овальном зеркале в дешевой металлической раме, грубо имитирующей антик. – Отправь в лабораторию.

* * *

Домой Ре-Ранкар вернулся уже после Полночной Луны. Промокший и злой. Служебное авто пришлось отдать Ал-Алие, которая снимала номер в гостинице на другом конце города. А самому не оставалось ничего другого, как только добираться до дома городским транспортом, который, как водится, ходил из рук вон плохо. Бросив мокрую одежду на спинку стула, Ре-Ранкар включил телевизор. Он не собирал-

ся смотреть что-то определенное – ему нужен был фон, привычный гул голосов, как в участке. Такая атмосфера помогала ему задействовать мозг на полную мощность. Больше всего Ре-Ранкару нравились прямые трансляции заседания Парламента – депутаты говорили очень эмоционально и почти без умолку, при этом большинство произносимых ими фраз были лишены какого-либо смысла. Либо, как порой казалось Ре-Ранкару, смысл этот был зарыт настолько глубоко, что докопаться до него мог далеко не каждый, а лишь тот, кому на это хватало ума и терпения.

Сняв с руки вариатор, Ре-Ранкар несколько раз нажал кнопку ручного переключателя. Лишь с пятого раза вариатор встал в положение «Логика». Старший дознаватель усмехнулся и положил браслет на телевизор.

Заглянув в холодильник, Ре-Ранкар обнаружил там только пару сосисок, надкушенный огурец и острый желтый соус. Старший дознаватель не имел привычки утруждать себя готовкой. Как правило, он обходился тем, что удавалось перехватить на улице. И, если бы ни дождь, он сегодня не стал бы открывать холодильник. Ре-Ранкар понюхал сосиски. Он не помнил, когда их купил, но запах был вполне приличный. Не будучи гурманом, старший дознаватель не стал варить сосиски. Он просто нарубил их вместе с огурцом, перемешал в миске и залил соусом. Чем не ужин для одинокого мужчины?

Воткнув в получивший безымянный продукт вилку, Ре-Ранкар уселся в кресло напротив телевизора. Попробовал –

вкусно. Диктор говорил что-то о климатических изменениях. Быть может, это была проблема, волнующая все человечество, но старшему дознавателю было не до того. Глаза закрывались от усталости, но Ре-Ранкар знал, что стоит ему только лечь в постель, как сон тотчас же куда-то улетучится. Он будет лежать в темноте, закинув руки за голову, пялиться в потолок и думать, думать, думать, пытаясь понять безумную, извращенную логику убийцы, на счету которого было уже четыре жертвы.

Так все и вышло. Ре-Ранкар промаялся без сна почти до рассвета. А как только сон смежил веки, зазвонил телефон. Пора было вставать. Впереди был новый сумасшедший день. Особый колорит которому обещал придать тот факт, что в участок должна явиться Ал-Алия. При одном лишь воспоминании о надоедливом криминалисте-психологе из ССА Ре-Ранкар болезненно поморщился. Хотя, как оказалось, дело было не только в Ал-Алие. Видно, вчера, промокнув под дождем, он еще и простуду умудрился подхватить. Затылок разламывался от боли, глаза слезились, в горле першило, а нос был забит так, что не продохнуть.

Звонил Ки-Клаймер. И причина, по которой он поднял с постели старшего дознавателя, была веской настолько, что Ре-Ранкар в один момент забыл и про бессонную ночь, и про боль в горле. Выслушав то, что спешил рассказать ему криминалист, Ре-Ранкар велел ему немедленно отправляться в участок, собирать следственную группу и ждать его прибы-

тия.

Постояв минут десять под горячим душем, Ре-Ранкар вроде бы почувствовал себя лучше. А после двух чашек свеже-сваренного кифа, он несколько взбодрился и заставил себя поверить в то, что способен добраться до участка. О том, что будет потом, старший дознаватель даже думать не хотел. На то, чтобы приводить в порядок одежду, после вчерашнего ливня имевшую весьма плачевный вид, сил у Ре-Ранкара уже не оставалось. Надев то, что было, он нацепил на руку вариатор, очень своевременно показывающий тип личности «Недовольство», и выбежал на улицу.

По счастью, трамвая не пришлось долго ждать. Вагон был набит до отказа, но Ре-Ранкару все же удалось в него втиснуться, сунув недовольной тетке-кондукторше служебное удостоверение стража порядка.

Не доезжая до шестой остановки, Ре-Ранкар спрыгнул на ходу с задней площадки как раз напротив тринадцатого участка.

Взбегая по лесенке, ведущей к главному входу, старший дознаватель чувствовал себя почти здоровым. Разве что только голова все еще немного побаливала. Привычный деловой ритм захватил Ре-Ранкара и не позволял раскиснуть.

– Есть что-нибудь от головы? – негромко спросил он у сидевшей при входе рыжеволосой дежурной.

– Не иначе как перебрали вчера, мэй старший дознаватель? – лукаво улыбнулась девушка.

– Было немного, – покаянно улыбнулся Ре-Ранкар.

Дежурная выложила на стойку две большие белые таблетки.

– Растворите в стакане воды.

– Я твой должник. – Ре-Ранкар зажал таблетки в кулак.

– Не забуду! – погрозила ему пальчиком рыжеволосая.

Обогнув стойку дежурной, Ре-Ранкар ненадолго задержался, чтобы налить воды в картонный стаканчик. Брошенные в воду таблетки зашипели. Залпом осушив стакан, Ре-Ранкар смял его в кулаке и кинул в мусорную корзину. Теперь оставалось только дожидаться желаемого эффекта.

Несмотря на ранний час, в общем зале уже давали показання двое задержанных. А сидевшая за столом у окна древняя старушка – маленькая, сухонькая, с аккуратно зачесанными назад и собранными в пучок седыми волосами – с очень серьезным, сосредоточенным видом рассматривала фотографии преступников в толстом альбоме. То, что она видела, ей крайне не нравилось – старушка то и дело недовольно морщилась, тыкала пальчиком в очередную фотографию и что-то тихо говорила сидевшему слева от нее стражу, который в ответ кивал и переворачивал страницу в альбоме.

Возле двери кабинета старшего дознавателя дожидалась Ал-Алия. Темно-фиолетовый джемпер, черные, обтягивающие брюки и полуспортивные ботинки. Вместо обычной сумочки, в которую женщины кидают всякую мелочовку, – небольшой кожаный рюкзачок.

– Не думал, что вы явитесь в такую рань, – попытался улыбнуться Ре-Ранкар.

– Вообще-то, – Ал-Алия посмотрела на встроенные в вариатор часы, – это вы опоздали на семнадцать минут.

– Серьезно? – сделал вид, что удивился Ре-Ранкар.

– Вы не носите часы?

– Нет.

– А вариатор?

Ре-Ранкар отдернул манжет и показал дамочке серебристый браслет.

– У вас какие-то проблемы?

– Хочу быть уверена, что у вас сегодня рабочий настрой.

– Мой вчерашний настрой вам не понравился?

– Честно говоря, мне показалось, что вы относитесь к своей работе несколько легковесно.

– Вам показалось. – Ре-Ранкар распахнул дверь кабинета. – Прошу!

Вся команда была уже в сборе.

– Ну, у кого сегодня хорошие новости? – Ре-Ранкар растегнул пиджак и сел в кресло.

Вопрос повис в пустоте.

Почувствовав, что на висках выступила испарина, старший дознаватель достал из кармана мятый носовой платок и приложил его ко лбу.

– Плохо себя чувствуете, шеф? – с сочувствием посмотрел на дознавателя Ди-Дангл.

– Что, так заметно? – недовольно буркнул Ре-Ранкар и, скомкав платок, сунул его в карман.

– Ну, вообще-то... – не зная, что сказать, Ди-Дангл пожал плечами. – Может быть, кифа?

– Было бы неплохо, – согласился Ре-Ранкар.

– Я сейчас! – вскочил со своего места страж.

– Мне тоже прихвати, – попросил Зу-Зандер.

– И мне! – махнул рукой Фу-Фламер.

– Может быть, и вы хотите? – спросил Ди-Дангл у присевшей возле демонстрационной доски Ал-Алии.

– Спасибо, – улыбнулась дамочка. – Два кусочка сахара, если можно.

– Кстати, кто еще не знаком, – Ре-Ранкар кашлянул в кулак. – Мэйя Ал-Алия, криминалист-психолог из Службы стражей Анклава. Временно прикомандирована к нашей группе.

– Временно – это как долго? – елеино улыбнувшись, поинтересовался Ки-Клаймер.

– Пока не поймает маньяка, – ответила сама Ал-Алия.

– О, тогда мы успеем познакомиться о-очень близко, – все с той же улыбкой продолжил Ки-Клаймер.

– Не думаю. – Слова Ал-Алии, казалось, хрустели, будто крошки сухого крекера на зубах. – Я здесь именно для того, чтобы расследование сдвинулось наконец с мертвой точки.

Сказав это, Ал-Алия хлопнула на стол перед Ре-Ранкаром утренний выпуск «Обозревателя». На первой странице боль-

шая фотография темноволосой красотки с заложенным за ухо алым цветком и заголовок аршинными буквами: «Маньяк наносит новый удар!!! В своем доме убита звезда телесериала «Опаленные страстью» Ол-Онару!!! Стражи порядка бездействуют!!! Кто следующий?!!»

– С чего они взяли, что мы бездействуем? – Ре-Ранкар свернул газету в трубочку и запустил ее в мусорную корзину.

– Напишите опровержение, – предложила Ал-Алия.

Ре-Ранкар проигнорировал замечание женщины.

– Так! – Он щелкнул пальцами. – Все, переходим в рабочий режим! Зу-Зандер, давай информацию о жертве.

Страж открыл рабочий блокнот.

– Пятьдесят два года, в прошлом – актриса, звезда...

– Мы уже видели утреннюю газету, – перебил его Ре-Ранкар. – Давай по делу.

– Трижды была замужем, трижды разведена. Детей нет. Близких родственников нет...

– Бывшие мужья?

– Первый был телепродюсер, второй – актер, партнер по съемкам. Умер девятнадцать лет назад – он был на двадцать семь лет старше Ол-Онару. Второй быстро вышел в тираж, спился и покончил с собой, еще когда звезда Ол-Онару сияла на экранах телевизоров. В третий раз она вышла замуж уже после того, как перестала сниматься. Муж, бывший работник авторемонтной мастерской, оказался моложе ее на восемнадцать лет. Они прожили вместе меньше года. Где он

сейчас, установить пока не удалось.

– Имя?

– Ву-Вартер.

Ре-Ранкар сделал пометку в своем блокноте.

– Дальше.

– Последние лет пять-шесть лучшей подругой Ол-Она-ру была Ми-Марнус – пожилая женщина, живущая по соседству. Их сблизила общая страсть – кружевные салфеточки. По словам Ми-Марнус, Ол-Она-ру вела замкнутый образ жизни – редко куда выходила и к ней никто никогда не приходил. За исключением посыльного из магазина.

– Однако она поздно вечером впустила убийцу в дом.

– По всей видимости, так, – кивнул Фу-Фламер. – Следов взлома не обнаружено.

– Это легко объяснить, – вставила Ал-Алия.

– Что именно? – неприязненно глянул на нее Ре-Ранкар.

– Почему одинокая женщина поздно вечером впустила в дом незнакомого человека.

– Сделайте одолжение.

– Убийца принес Ол-Она-ру роскошный букет засушенных цветов, к которым та была равнодушна – вы ведь обратили внимание на необычно роскошный букет на столе, – и представился ее давним поклонником. Скорее всего, он рассказал ей историю о том, что живет в далекой провинции, впервые по какому-то делу выбрался в Рен-Гатар, через три-четыре часа у него обратный поезд, но он все равно не мог не

засвидетельствовать свое почтение обожаемой и вечно молодой Ол-Онару.

– Так просто? – скептически поджал губы Фу-Фламер.

– Ложь всегда должна быть простой. Если громоздить выдуманные факты один на другой, то скоро сам начнешь в них путаться. К тому же на что еще покупать вышедшую в тираж, всеми забытую бывшую знаменитость, как не на банальную лесть. Я уверена, пожилая дама растаяла и потекла, как кусок маргарина, услышав, что к ней наконец-то явился один из ее поклонников, которых, как она продолжала считать, у нее тысячи и тысячи. Он один олицетворял для нее всю эту необъятную толпу, поэтому Ол-Онару и распахнула настежь дверь перед незнакомым человеком.

– Логично, – подумав, согласился Фу-Фламер.

– Я бы так никогда не поступил, – покачал головой Зу-Зандер.

– Поэтому-то вы и живы до сих пор, – улыбнулась Ал-Алия.

– Ну, хорошо, – сложил руки на груди Ки-Клаймер. – Я готов поверить в историю о стареющей телезвезде, истосковавшейся без вздохов поклонников. Ну а что заставило трех других впустить в дом убийцу?

– Ключик можно подобрать к любому, – ответила Ал-Алия. – Я порой удивляюсь, насколько доверчивы бывают люди.

– В доме убитой... – Ре-Ранкар щелкнул пальцами, что-

бы привлечь внимание Ки-Клаймера, – как обычно, никаких отпечатков?

– Отчет из лаборатории еще не привезли, – развел руками криминалист. – Но, если хотите знать мое мнение...

– Мнение или заключение экспертизы? – перебила его Ал-Алия.

– Я же сказал, – мило улыбнулся дамочке Ки-Клаймер. – Отчет из лаборатории еще не привезли.

– А самому заехать в лабораторию гордость не позволяет? – Ал-Алия кинула на стол стандартную серую папку лабораторного отчета. – Все отпечатки, найденные в доме, принадлежат Ол-Онару и Ми-Марнус. В одном из бокалов – нескаин.

– Я это и без отчета знал, – хмыкнул Ки-Клаймер.

– А я теперь знаю, как работают криминалисты тринадцатого участка, – легко парировала Ал-Алия.

– Не забудь указать это в своем доносе! – приподнялся со стула Ки-Клаймер.

– Непременно, – холодно улыбнулась в ответ Ал-Алия.

– Довольно. – Ре-Ранкар выждал несколько секунд и, не повышая голоса, продолжил: – Работаем дальше...

Дверь стукнулась о стенку – уже в который раз Ре-Ранкар подумал, что нужно поставить стопор. Ди-Дангл поставил на стол поднос с пятью большими кружками свежесваренного кифа. На каждой – эмблема тринадцатого участка стражей порядка.

– Это – вам, – сказал он, протягивая одну из кружек Ал-Алии.

Женщина с благодарностью улыбнулась стражу.

– Фу-Фламер, что у нас по вскрытию?

– Ну, наш клиент сделал всю работу за патологоанатомов, – в своей обычной манере усмехнулся Ки-Клаймер.

– Та же самая схема. – Протянув руку, Фу-Фламер взял с подноса свою кружку кифа. – В момент убийства жертва находилась под воздействием нескainya. Орудие убийства – большой обоюдоострый нож. Время смерти – около двух часов позапрошлой ночи. Все.

– Зу-Зандер.

– Да?

– Ол-Онару была знакома или как-то связана с другими жертвами?

– Я ничего не нашел.

– Она, часом, не страдала психическим расстройством? Или, может быть, проблемы с алкоголем? С наркотиками? Со звездами такое часто случается.

– Нет, – сделал отрицательный жест рукой Зу-Зандер. – Я все проверил. Единственный случай – двадцать два года назад Ол-Онару проходила краткосрочный курс реабилитации после депрессии, вызванной переутомлением. В частной клинике «Три-Тринадцать».

– Ага, – многозначительно кивнул Ки-Клаймер. – Знаем мы эти депрессии.

– Я разговаривал с врачом Ол-Онару, – быстро глянул на него Зу-Зандер. – Это действительно была депрессия. Причем не очень серьезная. Врач даже полагает, что Ол-Онару сослалась на депрессию только для того, чтобы на какое-то время укрыться от своих многочисленных поклонников, которые буквально не давали ей прохода. Он сказал, что и сам принадлежал к их числу.

Ки-Клаймер выудил из мусорной корзины утренний «Обозреватель», посмотрел на фотографию на первой полосе и удовлетворенно кивнул.

– Я их понимаю. Она была милашкой.

Ки-Клаймер с вызовом посмотрел на Ал-Алию – будто ответной реплики ждал. Но женщина даже не глянула в его сторону.

– Что у нас еще? – Ре-Ранкар обвел взглядом всех присутствующих. Как же ему хотелось, чтобы хоть кому-то в этот момент пришла в голову гениальная мысль! Ну, пусть не гениальная, пусть будет отличная! Или хотя бы просто хорошая... Потому что сам он за всю бессонную ночь так ничего дельного и не придумал. Кто бы подсказал, как отыскать зверя, не оставляющего следов? Вообще – никаких!

– Зажигалка! – В руке Ал-Алии появился небольшой, прозрачный пакетик для вещдоков, в котором лежала одноцветная зажигалка из черного пластика.

– Полагаю...

Почувствовав невыносимое першение в горле, Ре-Ранкар

прижал ко рту платок и надсадно кашлянул. Горло будто наждачной бумагой ободрало. Только этого еще не хватало... Ре-Ранкар осторожно кашлянул еще раз, провел платком по губам и спрятал его в карман.

– Извините... Полагаю, на зажигалке нет отпечатков.

– Нет. – Ал-Алия пристально посмотрела на Ре-Ранкара. – Вам нужен врач.

– Мне нужен киф. – Ре-Ранкар принужденно улыбнулся и сделал большой глоток из кружки. – Если бы зажигалка принадлежала Ол-Онару, на ней остались бы ее отпечатки. Значит, это зажигалка убийцы.

– Я тоже так решила, – кивнула Ал-Алия.

– Это понял бы даже ребенок, – широко улыбнувшись, картинно развел руками Ки-Клаймер.

Как и в прошлый раз, Ал-Алия проигнорировала его замечание.

– А поскольку наш убийца никогда не оставляет следов, – продолжила она. – Можно предположить, что он не забыл зажигалку на месте преступления, а оставил ее намеренно.

– Зачем? – спросил Зу-Зандер.

– Он назначает встречу.

– Встречу? Кому?

– Полагаю, тому, кто нашел его послание. – Ал-Алия кинула пакет с зажигалкой на стол Ре-Ранкара.

Старший дознаватель взял пакет в руки и, не вынимая зажигалку, внимательно осмотрел ее. Ничего особенного

– обычная рекламная зажигалка. Караоке-бар «Зажигай!». Название подходящее, чтобы разместить его на зажигалке.

– Из меня никудышный певец.

– От вас и не требуется петь.

Ре-Ранкар повернул пакет другой стороной, будто надеялся, что увидит там нечто неожиданно новое.

– Почему вы уверены в том, что убийца будет ждать меня в клубе?

Ал-Алия поставила свой рюкзачок на пол, поднялась на ноги и подошла к демонстрационной доске.

– Судя по всему, вы полагаете, что меня прислали к вам из Службы стражей Анклава только для того, чтобы я покрутилась здесь несколько дней и написала разгромный отчет, после которого всех вас вышибут со службы, лишив пенсии, – заметив многозначительную ухмылку Ки-Клаймера, Ал-Алия указала на него. – Я угадала?

Чуть приподняв руку с колена, Ки-Клаймер махнул кончиками пальцев и отвернулся, всем своим видом показывая, что не видит смысла продолжать разговор.

– Я так не считаю, – сказал Зу-Зандер.

– Я тоже так не думаю, – просипел Ре-Ранкар и вытер платком нос. – Но, честно говоря, я не вижу никакого смысла в вашем присутствии здесь. Чем вы можете нам помочь?

– Она может доставлять результаты экспертизы раньше курьера, – язвительно ввернул Ки-Клаймер.

– Я могу помочь вам понять мотивы действий убийцы. –

Ал-Алия взяла в руки мел, одним взмахом нарисовала на доске большой, не очень ровный круг и тремя линиями разбила его на шесть секторов. – Вы, конечно, догадываетесь, что означает этот символ?

– По статистике, каждый пятый убийца оставляет на месте преступления схематический рисунок табло вариатора. – Фу-Фламер поднял руку и показал браслет на запястье.

– Верно! – чуть подавшись вперед, указала на него мелом Ал-Алия; ну, прямо, учительница второго класса, хвалящая ученика за правильный ответ, разве что только указки в другой руке не хватает. – Вот только среднестатистический убийца закрашивает на нарисованной схеме лишь один сектор. – Ал-Алия повернулась к доске и быстро замазала мелом один из секторов. – Как правило, отмеченный таким образом сектор соответствует базовому типу личности убийцы, задействованному в момент совершения преступления. Мы же имеем дело с серийным убийцей, который после каждого нового убийства добавляет еще один закрашенный сектор. – Ал-Алия снова повернулась к доске и заштриховала на рисунке еще три сектора. – О чем это говорит?

– О том, что он напроць свихнувшийся сукин сын! – безапелляционно заявил Ки-Клаймер.

– По сути, правильно, – одобрительно улыбнулась Ал-Алия. – Но нас сейчас интересует не это.

– Он собирается убить еще двоих. – Ди-Дангл указал рукой на нарисованный круг.

– Тоже верно, – кивнула Ал-Алия. – Но это вовсе не означает, что, завершив круг, он не пойдет на следующий. Что движет им? Что заставляет совершать все новые и новые убийства?

– Принцип вариатора, – произнес негромко Ре-Ранкар.

– Вы догадывались? – с интересом посмотрела на старшего дознавателя Ал-Алия.

– Нет... – Ре-Ранкар закрыл низ лица ладонями и оглушительно чихнул. – Только сейчас понял. – Он вытер пальцем красные, слезящиеся глаза.

– Я все же вызову вам врача. – Ал-Алия потянулась к телефону на столе старшего дознавателя.

– Не нужно. – Ре-Ранкар прижал трубку ладонью.

– Необходимо. – Ал-Алия деликатно, но вполне решительно убрала руку Ре-Ранкара и взяла трубку. – Иначе к вечеру вы совсем расклеитесь и не сможете пойти на назначенную встречу.

– Вы полагаете... – Не закончив фразу, Ре-Ранкар был вынужден отвернуться, чтобы еще раз чихнуть.

– Я уверена. – Ал-Алия быстро набрала номер.

– Давайте я принесу еще кифа, – с сочувствием посмотрел на шефа Ди-Дангл.

– Не нужно, – махнул рукой Ре-Ранкар. – Все равно не помогает.

Ал-Алия произнесла в трубку всего три фразы – представилась, назвала симптомы и номер участка.

– Это очень хороший врач, – сказала она, кладя трубку на аппарат.

– Даже самый лучший врач не в состоянии вылечить простуду за пару часов, – с сомнением покачал головой Ре-Ранкар.

– А я разве обещала, что он вас вылечит? – изумленно вскинула брови Ал-Алия. – Если так, то извините. Я имела в виду, что он поставит вас на ноги. Несколько часов вы будете чувствовать себя молодцом, а потом придется все же лечь в постель.

– Так что там насчет вариатора? – напомнил Фу-Фламер. – И как это связано с зажигалкой?

– Для того чтобы все объяснить, мне придется совершить маленький экскурс в историю. – Ал-Алия вернулась на прежнее место возле демонстрационной доски. – Все это началось в те самые времена, когда человек впервые осознал себя личностью. И не одной, а сразу множеством разных личностей, существующих в одном теле и периодически сменяющих друг друга. Утром человек лентяй, желающий понежиться под теплой звериной шкурой, днем он храбрый охотник, отслеживающий неуловимую дичь, вечером – умелый мастер, по праву гордящийся своими поделками, заботливый отец, пестующий детей, и любящий муж. В одном человеке жили, постоянно пиная друг друга, скромняга, доброт, злодей, негодяй, умница, дурак, развратник, лицемер, правдоискатель, шут – да кто угодно! Человек, который пер-

вым осознал, что он собой представляет, наверное, только потому не сошел с ума, что в те далекие времена разум его был весьма примитивен. Тем не менее его хватило на то, чтобы понять, к чему может привести подобный полиморфизм.

Первыми вариаторами стали шаманы и колдуны, путем псевдомагических процедур программирующих человека на доминирование того или иного типа личности. Подобная практика была эффективна до тех пор, пока люди жили оседло, небольшими сообществами. Когда же человек начал осваивать окружающий мир, ему пришлось совершать путешествия на большие расстояния. И далеко не всегда путешественникам удавалось звать с собой шамана. Был нужен новый способ определения базового типа личности. И средневековый естествоиспытатель Ши-Штефер создал его, взяв за основу всем хорошо известную игру в кости. Два кубика с метками на плоскостях от единицы до шестерки. Брошенные вместе, они могут выдать одиннадцать различных комбинаций. Ши-Штефер всего-то и сделал, что составил табличку, в которой числам от двух до двенадцати соответствуют одиннадцать базовых типов личности. Человек бросал кости, заглядывал в табличку Ши-Штефера, после чего его подсознание автоматически включало соответствующий тип личности.

Система Ши-Штефера продержалась более тысячелетия. Даже после того как был создан первый механический вариатор, громоздкий и неудобный, люди все еще продолжали

пользоваться игральными костями и табличкой Ши-Штеффера. Однако прогресс не стоял на месте. Механические вариаторы становились все более компактными и надежными в работе и вскоре полностью вытеснили систему Ши-Штеффера. Если кто и пользуется сегодня игральными костями, так только забавы ради. Последнее на сегодняшний день принципиальное изменение в систему вариаторов было внесено сто двадцать три года назад, когда число базовых типов личности было сокращено с одиннадцати до шести. Это было связано с тем, что основная часть населения стала жить в больших городах. А большая плотность населения, как нам прекрасно известно, ведет к росту агрессивности.

Именно поэтому вариаторы нового типа остались без таких базовых типов личности, как злоба, самолюбие, влюбленность, целеустремленность и эгоизм. Прежде психологи полагали, что время от времени человек должен испытывать все эти чувства для того, чтобы давать выход особо сильным эмоциям. Сейчас, как мы видим, человек прекрасно может обходиться и без них.

– И убивает он теперь с радостью, – широко улыбнулся Ки-Клаймер. – Или исходя из каких других, но все равно самых лучших побуждений.

– Убивать и совершать другие антисоциальные поступки человек начинает именно тогда, когда его система базовых личностей идет вразнос. Происходит это, как правило, в тех случаях, когда человек начинает злоупотреблять тем

или иным типом личности. И, не обращая внимания на предупреждения вариатора, вновь и вновь ставит его вручную на один и тот же базовый тип. Именно с этим связано изображение табло вариатора с одним закрашенным сектором на местах преступлений.

– Но наш маньяк не из таких? – прогнусавил Ре-Ранкар.

– Верно, – согласилась Ал-Алия. – Он другой. И он, увы, не первый. Мне уже приходилось иметь дело с подобным типом серийных убийц. Служба стражей Анклава направила меня к вам именно для того, чтобы я на месте оценила ситуацию и определила, относится ли ваш убийца к данному типу. Изучив материалы дела и побывав вчера на месте преступления, я с уверенностью могу сказать: да, это он. Это человек, страдающий в последнее время все более часто встречающейся формой психической патологии – монотипией.

– Так, значит, наш убийца – монотип? – Фу-Фламер произнес это так, будто выплюнул кусок стекла, попавший в рот вместе с едой.

– Без сомнений, – подтвердила Ал-Алия.

– Я слышал, что монотипы – это полные придурки и психопаты, – сказал Ки-Клаймер. – Их с детства держат в психушках только для того, чтобы не расстреливать.

– О монотипах много чего рассказывают, – снисходительно улыбнулась Ал-Алия.

– Вы хотите сказать, что не все из этого соответствует действительности? – Ре-Ранкар отвернулся к стене и, закрыв ли-

цо ладонями, оглушительно чихнул.

– Главная проблема монотипов заключается в том, что они не могут социализироваться, потому что наше общественное устройство, все базовые принципы нашей общественной системы кажутся им неправильными, искажающими реальное представление человека о мире и о себе.

– И вы, дамочка, хотите убедить нас в том, что они не психи? – Ки-Клаймер криво усмехнулся и посмотрел на остальных, ожидая поддержки и одобрения. Но хоть как-то отреагировал на его замечание лишь Зу-Зандер – он подергал себя за нос и неопределенно эдак пожал плечами.

– Монотипы – это, несомненно, больные люди, – продолжила Ал-Алия. – И, как показывает практика, болезнь их не поддается лечению. Но если сравнить число убийц среди монотипов и среди тех, кого мы считаем нормальными людьми, то соотношение будет не в нашу пользу. Однако убийца-монотип весьма и весьма опасен.

– Какова природа этого заболевания? – нутужно просипел Ре-Ранкар. – И как часто оно встречается?

– Полагаю, мэй Ре-Ранкар, мы сможем поговорить об этом позже. Сейчас мы должны думать о том, как поймать убийцу.

– Хорошо, тогда скажите, почему вы уверены в том, что наш убийца страдает монотипией?

– Как я уже сказала, мне приходилось принимать участие в расследовании трех подобных случаев. В первом случае жертвами убийцы стали двенадцать человек, – Ал-Алия ука-

зала пальцем на Ди-Дангла. – Это к вопросу о том, пойдет ли наш убийца на второй круг. Во втором случае маньяк убил восьмерых. В третьем нам удалось перехватить преступника после шестого убийства.

– Вы сказали «перехватить»?

– Именно так. Ни одного из трех убийц-монотипов не удалось взять живым.

– Ну, может, оно и к лучшему, – высказал свое мнение Ки-Клаймер.

– Если бы у нас в руках оказался хотя бы один живой убийца-монотип, – холодно и строго посмотрела на криминалиста Ал-Алия, – мы смогли бы лучше понять мотивы его поступков. А следовательно, у нас было бы больше шансов предотвратить подобные преступления в будущем.

– От того, что психов сажают в дурдом, их почему-то не становится меньше, – усмехнулся Ки-Клаймер. – Как раз наоборот, порой кажется, что весь город сходит с ума.

– Особенно когда едешь общественным транспортом, – добавил Ре-Ранкар. И, обращаясь к Ал-Алии: – Все же я так и не понял, почему вы причислили нашего убийцу к монотипам?

– Вы не дали мне договорить. Как я уже сказала, основная проблема монотипов заключается в том, что они не вписываются в социальные структуры общества. Из-за того, что монотип не может вычленить ни один из базовых типов своей личности, он, выражаясь образно, постоянно находится в со-

стоянии пистолета со взведенным курком. И выстрела можно ожидать в любой момент. Это вовсе не означает, что он тут же бросится убивать всех направо и налево. Однако поведение любого монотипа абсолютно непредсказуемо. Причем даже он сам далеко не всегда знает, что сделает в следующую минуту, как отреагирует на то или иное стороннее действие.

– Значит, все монотипы представляют собой потенциальную угрозу для общества, – сделал вполне закономерный, как ему казалось, вывод Зу-Зандер.

– В общем, да, – не сразу, помедлив секунду-другую, как будто с неохотой даже, согласилась с таким выводом Ал-Алия. – Именно поэтому все они подлежат изоляции. Но не в сумасшедших домах и не в тюрьмах, а в специальных приютах...

– Которые представляют собой нечто среднее между первым и вторым. – Ре-Ранкар оглушительно чихнул.

– Что вы сказали?

– Неважно, – зажав нос пальцами, просипел Ре-Ранкар. И махнул рукой: – Продолжайте.

– Как показывают исследования, в которых я принимаю участие, коэффициент интеллекта больных, страдающих монотипией, поразительно высок. Эти люди прекрасно понимают суть своей проблемы, но при этом видят причину ее не в своем недуге, а в обществе, которое преследует их и подвергает гонениям. Они уверены, что монотипия – это не бо-

лезнь, а новая ступень в эволюции человека – объединив в себе множество самых разнообразных типов личности, человек только выигрывает от этого. По мнению монотипов, так называемая многогранность не только делает их психику более стабильной, но так же позволяет им более быстро и правильно реагировать на любые воздействия внешней среды. Кое-кто поговаривает даже о развитии у монотипов неких экстраординарных способностей, невозможных у нормальных людей. Одним словом, все они являются приверженцами идеи о собственном превосходстве над поливариантами, к каковым относимся и мы с вами. Государство же, по их мнению, изолирует их, а случается, что идет и на физическое уничтожение особо опасных, сиречь наделенных некими уникальными способностями, монотипов, только ради того, чтобы удержать власть в собственных слабеющих руках; тем самым лишая общество возможности спокойно и безболезненно совершить переход к новой форме общественных взаимоотношений.

– То есть монотипы готовятся к захвату власти? – решил уточнить, правильно ли он понял, Ди-Дангл.

Он, как и все, слышал о монотипах, но полагал, что это всего лишь психически больные люди, нуждающиеся в строгой изоляции. И не более того. А тут, оказывается, заговор с целью государственного переворота зреет. И никто об этом ничего не знает! Спрашивается – почему? Если держать людей в неведении, кто тогда в нужный момент предпримет ре-

шительные меры?

– Насколько нам известно, пока монотипы не предпринимают никаких активных действий в этом направлении, – ободряюще улыбнулась стражу Ал-Алия. – Однако отдельные представители монотипов становятся буквально одержимыми идеей своего биологического превосходства. Серийные убийцы, с которыми мне пришлось иметь дело, и тот, которого мы сейчас ищем, как раз из их числа...

Ал-Алия хотела продолжить, но Ре-Ранкар вдруг громко и хрипло закашлял. Скрежещущая боль в горле и груди заставила старшего дознавателя согнуться так, что он едва лбом в стол не уперся.

– Простите... – Он вытер губы смятым в кулаке платком и, не глядя на Ал-Алию, еще раз повторил: – Простите.

Женщина посмотрела на встроенные в вариатор часы.

– Врач должен прибыть с минуты на минуту.

– Признаться, теперь и я жду его с нетерпением, – вяло улыбнулся Ре-Ранкар.

– Я продолжу. – Ал-Алия положила руки на спинку стула. – Так вот, совершая свои ритуальные убийства, эти фанатики-монотипы пытаются тем самым обратить внимание общественности на существующую, как они полагают, проблему.

Логика их действий примерно следующая. Вы не даете нам возможности высказывать свое мнение в прессе или на телевидении, мы не можем говорить с людьми с обществен-

ных трибун, мы фактически лишены права голоса. Таким образом, нарушено одно из основополагающих прав свободного человека – право открыто высказывать свое мнение по любому вопросу. Ну а раз так, значит, мы имеем право прибегать к иным методам воздействия на общественное мнение. Пускай за нас начнут говорить журналисты, рассказывающие о наших деяниях, совершаемых во имя великой цели...

– Откуда вам это известно? – снова перебил женщину Ре-Ранкар.

– Что именно? – посмотрела на него Ал-Алия.

– Откуда вам известно, какими соображениями руководствовались убийцы-монотипы, если ни одного из них вам не удалось взять живым?

– Я беседовала с теми, кто хорошо их знал, с кем они делились своими мыслями и идеями.

– Надеюсь, они получили по заслугам?

– Кто?

– Те, кто знали о готовящихся преступлениях, но не сообщили об этом стражам порядка.

Ре-Ранкару показалось, или Ал-Алия действительно на какой-то момент оказалась в замешательстве? Не знала, что ответить? Или подбирала нужные слова? А может быть, она произносила заранее подготовленную речь и неожиданный вопрос пусть не поставил ее в тупик, но на какой-то миг выбил из колеи?

– Полагаю, что да. Если вам нужен точный ответ, мэй Ре-Ранкар, вы можете обратиться в Службу исполнения наказаний. Я же разговаривала с этими людьми только в ходе следствия.

– Я просто так спросил, – вяло махнул кончиками пальцев Ре-Ранкар.

– Серийники-монотипы всегда тщательно планируют свои преступления, – продолжила Ал-Алия. – Да вы и сами это видите: проникновение в дом жертвы без взлома, никаких следов или отпечатков пальцев, все ценности в домах остаются нетронутыми; только символическое изображение вариатора на стене. С такой же тщательностью они подходят и к выбору своих жертв.

– Да, вот это очень интересно, – поднял указательный палец Фу-Фламер. – Нам никак не удастся установить какую-либо связь между жертвами.

– Потому что вы не там ищите, – ласково, с пониманием улыбнулась Ал-Алия. – Для того чтобы уловить эту связь, нужно мыслить как монотип. Кто был убит первым?

– Ни-Нартор, шестьдесят два года, активист Миссии Милосердия, – с трудом выдавил из ошетинившегося тысячами тупых иголок горла Ре-Ранкар.

– Образ, соответствующий базовому типу личности «Альтруизм»! – Ал-Алия поставила жирный крест на одном из секторов нарисованного на доске вариатора. – Дальше!

– Ин-Илия, модный критик, работала в глянцевого журна-

лах...

– Тип личности: «Недовольство»! – Не дослушав Ре-Ранкара, Ал-Алия зачеркнула еще один сектор на рисунке. – Третий?

Ре-Ранкар пожал плечами.

– Ти-Ташан, комик...

– «Радость»! – Вычеркнут еще один сектор. – Ол-Онару, убитая два дня назад, олицетворяла собой «Грусть». – Еще один сектор долой. – И что у нас остается? «Логика» и «Интуиция»! – Кусочек мела в руке Ал-Алии оставил жирные точки в каждом из незачеркнутых секторов. – Убивая одного за другим людей, которые олицетворяют собой тот или иной базовый тип личности, убийца тем самым пытается зримо продемонстрировать нам ущербность вариативной системы выбора. И одновременно он снимает с себя моральную ответственность за убийство, которое, как ему кажется, совершает не он – он лишь наносит удары ножом, а подводит человека к краю пропасти вариатор.

– Ну, точно псих! – ошеломленно всплеснул руками Зу-Зандер. – А почему он убивает под наркозом?

– Это тоже символический жест. Таким образом убийца-монотип хочет показать, что, в отличие от рядового ма-няка, он не получает удовольствия от физического страдания своих жертв. В то же самое время это намек на те душевные, моральные, нравственные страдания, что поливарианты причиняют себе сами, даже не подозревая об этом. Ну, и,

в конце концов, это своего рода фирменный стиль, подпись убийцы-монотипа.

– То есть в других случаях, которые вы упоминали, убийцы тоже использовали нескан? – поинтересовался Ре-Ранкар.

– Да, – подтвердила Ал-Алия.

– Выходит, все они были знакомы друг с другом и заранее согласовали свои действия?

– Либо их действия направлялись и координировались из единого центра.

– Но тогда... – Ре-Ранкар отвернулся в сторону, прикрыл рот платком и, болезненно сморщившись, откашлялся. – Извините, – согнутым пальцем вытер навернувшиеся на глазах слезы. – Тогда уже речь идет, как минимум, о преступной организации.

– По всей видимости, да, – согласилась Ал-Алия.

– Почему же, в таком случае, этим делом занимаемся мы, а не Служба стражей Анклава?

Крепче сжав пальцы на спинке стула, Ал-Алия подалась вперед.

– При всем моем уважении, мэй Ре-Ранкар, ССА без вашей помощи разберется, как ей вести свои дела.

Ре-Ранкар бросил быстрый, незаметный взгляд на Ки-Клаймера.

– Ну, дела! – звонко хлопнул себя по бедрам тот. – Все вроде как сходится. А, шеф?

Старший дознаватель поднял подбородок и помассировал ладонью саднящее горло.

– А зажигалку он зачем оставил? – спросил Ре-Ранкар. – Вы говорили, что это приглашение на встречу. Он что, собирается интервью дать?

– Полагаю, мэй Ре-Ранкар, он собирается вас убить, – холодно глянула в глаза старшего дознавателя женщина. – И мы должны воспользоваться этой возможностью для того, чтобы схватить убийцу и положить конец его злодеяниям.

Новость о том, что за ним охотится убийца, не произвела на Ре-Ранкара ни малейшего впечатления. Ему и прежде угрожали. Случалось даже, пытались привести угрозы в исполнение. На левом плече старшего дознавателя красовался ровный восьмисантиметровый шрам, оставленный тесаком, который, в принципе, метил ему в голову. Так что еще одна угроза, тем более вовсе не прямая и отнюдь не явственная, а озвученная странной женщиной, называющей себя криминалистом-психологом, вряд ли могла напугать Ре-Ранкара. Однако, как профессионал, он не мог не обратить внимания на некоторую фактологическую несостыковку.

– Прежде убийства совершались с периодичностью в пять-шесть дней. – Ре-Ранкар сделал глоток остывшего кифа, только чтобы горло смочить. – Серийники, как правило, весьма педантичны в деталях.

– Наш убийца не обычный серийник. – Ал-Алия сделала отрицательный жест рукой, будто отвела в сторону мешав-

шую ей выглянуть на улицу занавеску. – Он не загоняет себя в узкие рамки условностей. Он наносит удар тогда и там, где считает нужным. Для него важен лишь принцип соответствия жертвы выбранному типу личности и соответствующий антураж.

– И к какому же типу личности вы относите меня?

– А что у нас осталось. – Ал-Алия, не оборачиваясь, указала рукой на доску. – «Логика», или, как указывали на вариаторах старого образца, «Разум», и «Интуиция». Что выбираете, мэй Ре-Ранкар?

Ре-Ранкар сдавленно кашлянул в кулак, провел пальцами по подбородку. Ему показалось, или, взглянув на него, женщина действительно усмехнулась?

– Вообще-то старшему дознавателю требуется как первое, так и второе.

– А вы сами на что делаете упор в своей работе? – Снова на губах Ал-Алии какая-то странная полуулыбка-полуусмешка. И снова она повторила его имя, добавив к нему вежливое обращение: – Мэй Ре-Ранкар?

Женщина ошиблась, если полагала, что вопрос поставит старшего дознавателя в тупик, ну, или хотя бы озадачит его.

– Я надеюсь в первую очередь на тех, с кем работаю, – не колеблясь ни секунды, ответил Ре-Ранкар. – Я никогда не стану работать с тем, кому не доверяю или кто ставит под сомнение мои приказы.

Странная, вымученная ухмылка будто пристала к губам

Ал-Алии. Она молчала, не зная, что сказать. Значит, точно, заранее приготовила речь, отметил про себя Ре-Ранкар. По накатанному она правила здорово, а стоило сделать шаг в сторону – и завязла в грязи. По щиколотку, а то и по колено. И психолог из нее никудышный. Будь иначе, она давно бы уже раскусила очень уж грубую игру Ки-Клаймера. А ежели так, зачем ее сюда прислали?

Ал-Алия провела кончиком языка по губам. Ей требовалось несколько секунд на то, чтобы собраться с мыслями, оценить ситуацию и снова завладеть вниманием аудитории. Спрятав руки за спинку стула, она быстро нащупала пальцами вариатор и нажала кнопку ручной регулировки. По лицу ее скользнула и тут же исчезла гримаса крайнего недовольства.

– Что-то не так, мэйя Ал-Алия? – участливо осведомился Фу-Фламер.

Ал-Алия попыталась улыбнуться в ответ, но вместо улыбки лицо ее будто судорогой передернуло. Она снова нажала на кнопку ручной настройки. Тут же плечи ее распрямились, брови сурово изогнулись, подбородок приподнялся и выпятился вперед. Прикусив губу, Ал-Алия еще раз задействовала вариатор – ей никак не удавалось найти соответствующий ситуации тип личности. Ре-Ранкар знал, что такое случается с теми, кто слишком часто использует кнопку ручной настройки вариатора. Ему также было известно, какие последствия может повлечь за собой навязчивая потребность в бес-

конечной смене типов личности в поисках того единственного, что требуется в данный момент. Увы, это не естественная потребность психики, а невротический синдром, который со временем перерастает в болезненное пристрастие, когда человек полностью отождествляет себя, свою личность с вариатором. Ре-Ранкару были известны случаи, когда страдающие болезненным пристрастием к вариаторам люди впадали в полнейший ступор и оказывались в психушке, если вдруг теряли эту дурацкую машинку. Он помнил тощего типа, трясущегося, с бегающим по сторонам взглядом, что пришел к нему, когда он еще был рядовым зрителем, чтобы заявить о том, что у него похитили личность. Ре-Ранкар до сих пор помнил то болезненное сострадание, что испытывал он тогда к этому странному типу, который не мог назвать ни своего имени, ни адреса, ни место работы; да и в участок он, как выяснилось, завернул случайно, просто проходя мимо. А вот Ал-Алию старшему дознавателю было ничуть не жаль. И он даже с каким-то садистским наслаждением следил за ее тщетными попытками сделаться такой, какой она хотела видеть себя в данный момент. Отвечая на вопрос Ал-Алии, Ре-Ранкар вовсе не ставил перед собой цели выбить ее из колеи. Но раз уж так получилось...

Ее спас неожиданный стук в дверь.

Вздрагнув, Ал-Алия с испугом посмотрела на толстое рифленое стекло, за которым был виден лишь силуэт того, кто стоял за дверью.

То, что визитер сразу не распахнул дверь, а вежливо постучал и ждал приглашения войти, могло означать лишь одно – он не из тринадцатого участка. Местные стражи не имели привычки, да и времени тоже, подолгу ждать под дверью даже у самого зрителя.

– Войдите, – едва слышно прохрипел Ре-Ранкар.

– Да заходите же! – в помощь ему гаркнул во всю глотку Ки-Клаймер.

В приоткрывшуюся дверь заглянул невысокого роста сухощавый мужчина, лет пятидесяти пяти, одетый в серый френч. Длинный нос, узкие губы, небольшие глазки под мохнатыми бровями, черные с проседью волосы, небрежно зачесанные назад, и борода клинышком – кто бы сомневался, что это доктор.

– Можно? – деликатно осведомился он.

– Конечно, – с трудом прохрипел Ре-Ранкар; ощущение в горле было таким, будто он толченого стекла наглотался, – и на всякий случай еще дважды призывно махнул рукой.

– А вы, по всей видимости, и есть мой пациент, – профессионально улыбнулся доктор; выглядывая из-за двери, он не видел стоявшую у доски Ал-Алию.

Ре-Ранкар помассировал горло пальцами и молча кивнул.

Доктор вошел в кабинет, аккуратно прикрыл за собой дверь и перехватил обеими руками ручку потертого саквояжа темно-коричневой кожи, который принес с собой. И только теперь он увидел Ал-Алию.

– Уважаемая мэйя! – Доктор чуть пригнул голову, так что кончик бородки коснулся безупречно белого воротничка рубашки, и поднес пальцы левой руки к волосам, как будто хотел снять невидимую шляпу. Этого оказалось достаточно для того, чтобы Ал-Алия почувствовала себя в привычной обстановке. Она в последний раз нажала кнопку вариатора, после чего спрятала руку с изящным серебристым браслетиком за спину.

– Доктор Во-Валмер, – представила она врача.

Доктор учтиво поклонился присутствующим.

– Когда я могу приступить к выполнению своих профессиональных обязанностей? – по-старинному церемонно осведомился он у Ал-Алии.

– Через несколько минут, мэй Во-Валмер.

Доктор недовольно сдвинул кустистые брови и посмотрел на встроенные в вариатор часы.

– Ну, хорошо, я подожду, – сказал он, всем своим видом давая понять, что делает огромное одолжение. Доктор прижал саквояж к груди и взглядом поискал место, куда бы можно было присесть.

– Мэй Во-Валмер, у нас чисто профессиональный разговор. – Ал-Алия обворожительно улыбнулась врачу и указала рукой на дверь. – Я буду признательна, если вы подождете в общем зале. Мы позовем вас, как только закончим.

Доктор недовольно дернул бородкой и даже чуть приоткрыл рот, будто собираясь достойно ответить на дерзость вы-

звавшей его к больному женщины. Но сдержался. Хмыкнул и проследовал в указанном направлении. Даже дверь за собой не хлопнул.

– Зу-Зандер! – Старший дознаватель поманил стража пальцем и взглядом указал на дверь; мол, присмотри за доктором, найди ему местечко, где присесть, а то ведь непривычного к суете участка человека и затолкать могут.

Зу-Зандер все понял, молча кивнул и выбежал за дверь.

Раздвинув пальцами полоски жалюзи, Ки-Клаймер посмотрел, как Зу-Зандер взял под локоть безучастно стоявшего у двери врача и повел к свободному столу.

– Итак! – Дабы обратить внимание присутствующих на себя, Ал-Алия тихонько стукнула пальцем по спинке стула. – Караоке-бар «Зажигай», в котором назначил нам встречу убийца, находится...

– Я знаю, где находится «Зажигай», – перебил женщину Ре-Ранкар. – В соседнем рестрикте.

– Вы там бывали? – несколько удивленно посмотрела на него Ал-Алия.

– Да.

Ре-Ранкар не стал уточнять, что был в караоке-баре семь лет назад, и заглянул он туда не ради того, чтобы песни попеть, а чтобы арестовать наркоторговца, которого пас два с половиной месяца.

– Отлично! Значит, вы знакомы с местом!

Чтобы сглотнуть, Ре-Ранкару пришлось сначала припод-

нять, а затем резко опустить подбородок. И все равно он поморщился от боли.

– С чего вы взяли, что я туда пойду?

– Убийца подойдет только к вам!

– Он не придет, – качнул головой Ре-Ранкар. – Это все только ваши фантазии.

– Придет! – убежденно сжала руку в кулак Ал-Алия. – Непременно придет!

– Зачем?

– Чтобы... – Ал-Алия на секунду запнулась, но быстро нашла требуемые слова. – Чтобы закрасить еще один сектор на своей схеме! – Она порывисто повернулась к доске и поставила крест на пятом секторе символического вариатора.

– То есть он должен меня убить, – уточнил Ре-Ранкар.

– Мы установим прослушивание и наблюдение за баром! Мы не позволим ему!..

– Да бросьте... – Согнувшись пополам, Ре-Ранкар зашелся в сухом, болезненном кашле. Выпрямившись, он вытер выступившие на покрасневших глазах слезы. – Не в этом дело. Умереть я боюсь меньше всего. Не потому, что мне жизнь не мила, а потому, что совершить убийство в таком людном месте, как караоке-бар, способен лишь тот, кто после этого намерен и себе пустить пулю в лоб. А наш клиент, как вы сами не так давно говорили, не из таких. Он все тщательно планирует. Хорошо, пусть он выбрал меня на роль очередной жертвы. Ладно, допустим, он сумеет подсыпать мне в питье

нескаин. Но что потом? Он уложит меня на стол и прилюдно выпотрошит? А потом нарисует на стене свой чертов круг, даст официантке на чай и отправится восвояси?.. Что говорит об этом ваш опыт, мэйя Ал-Алия?

– Я не знаю, что он задумал на этот раз, – медленно, отбивая такт ребром ладони по спинке стула, произнесла Ал-Алия. – Но я уверена, что он не мог случайно забыть зажигалку на месте последнего убийства.

– Я тоже так считаю, – согласился Ре-Ранкар. – Но это означает лишь то, что вы неверно интерпретировали его послание.

– У вас есть другая версия? – с вызовом вскинула подбородок Ал-Алия.

– Нет, – не стал врать Ре-Ранкар.

– Тогда что вы собираетесь предпринять?

– Будем продолжать следствие.

– Как? – едва ли не с возмущением взмахнула руками Ал-Алия. – Опрашивать соседей, которые ничего не знают и ничего не слышали? Искать старых знакомых, которые не виделись с жертвой уже много лет? Пытаться найти какую-то связь, – Ал-Алия несколько раз быстро соединила и снова развела кончики указательных пальцев, – между людьми, которые никогда друг о друге не слышали?..

– Кто-то из убитых мог смотреть фильмы с Ол-Онару, – заметил Фу-Фламер.

– Я не это имела в виду! – в запале махнула на него рукой

Ал-Алия.

Прикрывшись ладонью, будто в испуге, Ки-Клаймер незаметно подмигнул Фу-Фламеру – смотри-ка, как дамочка разгорячилась!

– Я понял, что вы имеете в виду, – прохрипел Ре-Ранкар. – Но день за днем без толку торчать в караоке-баре, на мой взгляд, тоже не лучшее занятие.

Пальцы Ал-Алии, тонкие, но с широкими, уплощенными суставами, лежавшие на спинке стула, одновременно взлетели и снова упали, цапнув ногтями черный пластик.

– Мэй Ре-Ранкар, – медленно, будто через силу, произнесла она. – Как я вижу, наши методы работы несколько разнятся. Но я уважаю вашу точку зрения. И хотела бы, чтобы вы также с вниманием относились к моей.

Ре-Ранкар приложил ладонь к груди.

– Со всем моим уважением, – едва слышно прохрипел он. – Вы включены в нашу группу только как консультант. Во всяком случае, мне так сказали... Или я не прав?

– Все верно, – коротко кивнула Ал-Алия.

– Некоторые сделанные вами выводы представляются мне любопытными. Другие кажутся спорными. Но, в любом случае, пока ССА не забрала у меня дело, я решаю, как вести следствие... Со всем моим уважением. – Если бы не жестокая простуда, сдавившая горло, в словах Ре-Ранкара, возможно, прозвучал бы намек на иронию. А так это был лишь голос больного человека, которому каждое слово давалось с

неимоверным трудом.

Ал-Алия изо всех сил стиснула спинку стула и на секунду-другую прикрыла глаза. Лицо ее сделалось сухим, жестким, будто вырезанным из белого мрамора. Ре-Ранкар понял, что ей сейчас до боли, до жжения в кончиках пальцев хочется снова надавить на клавишу вариатора. И он от души порадовался за то, что ей хватило силы воли не сделать это. У женщины были серьезные проблемы. И дело тут было не только в вариаторном неврозе. Интересно, неожиданно для самого себя подумал Ре-Ранкар, есть ли у нее семья? Дети?.. Или ее семья это Служба стражей Анклава. А цель жизни – успешная карьера?.. С таким подходом к делу действительно можно свихнуться. Ре-Ранкар по себе знал.

– Мэй Ре-Ранкар, – медленно, почти не разжимая губ, процедила Ал-Алия. – После того как вас осмотрит доктор, я могу пригласить вас на обед? – Взгляд ее при этом был устремлен не на старшего дознавателя, а на сиденье стула, за спинку которого Ал-Алия цеплялась, точно за последнюю надежду.

– Не думаю, что я буду в состоянии... – начал Ре-Ранкар. Он и в самом деле не имел ничего против обеда в обществе симпатичной женщины, хотя и понимал, что наедине она снова станет пытаться убедить его в целесообразности своего плана. Но сейчас ему даже самый вкусный кусок – бифштекс с кровью, с яйцом и бобами – все равно бы в горло не полез.

– Вы будете в состоянии! – уверенно перебила его Ал-Алия. Взгляд ее блеснул из-под ресниц, словно звезды на острие ножа. – Мой доктор способен творить чудеса!

– Ну, если так, – Ре-Ранкар развел руками. – Пора бы ему продемонстрировать свое искусство.

Ал-Алия сорвалась с места. Широко распахнувшаяся дверь ударилась о стенку, жалобно задребезжало стекло. Нужно стопор поставить, с досадой цокнул языком Ре-Ранкар.

– Мэй Во-Валмер!

– Все, мэи мои дорогие, расходимся, – посмотрел на своих подчиненных Ре-Ранкар. – Каждый знает, что ему нужно делать. Собираемся снова после Полуденной Луны. Надеюсь, мэйя Ал-Алия окажется права и ее доктор сумеет влить в меня заряд бодрости. Хотя бы на сегодняшний вечер.

– По-моему, шеф, дамочка сумеет убедить вас сходить сегодня вечером в «Зажигай», – заговорщицки подмигнул старшему дознавателю Ки-Клаймер.

– Мне тоже так кажется. – Ре-Ранкар улыбнулся и пальцем нарисовал в воздухе круг.

* * *

Заглянув в медицинскую комнату участка, доктор Во-Валмер недовольно наморщил нос и сказал, что, пожалуй, лучше проведет осмотр больного в его же кабинете. Тем бо-

лее что все необходимое у него при себе. Сказав это, доктор сладенько улыбнулся и погладил округлый и даже как будто лоснящийся бок своего туго набитого саквояжа. Ре-Ранкар ничего против не имел, лишь попросил Ал-Алию остаться за дверью, когда она тоже вознамерилась войти в кабинет.

– Неплохо, неплохо, – пробормотал себе под нос доктор, проведя пальцем по длинному шраму на предплечье Ре-Ранкара. – Кто шил?

– Напарник.

– То есть любитель?

– Можно и так сказать.

– Для любителя работа просто отменная... А вот это, – доктор взял Ре-Ранкара за плечи и заставил его повернуться к себе спиной, – это никуда не годится! – Он ткнул пальцем в круглый шрам от пулевого ранения под правой лопаткой. – Абсолютно – никуда! – повторил он с нажимом.

– Ну, это уже в больнице... – начал было оправдываться Ре-Ранкар, но, не закончив, зашелся в кашле.

– Я сейчас не о методах лечения! – махнул рукой Во-Валмер. – Нельзя подставлять спину под пули, мэй мой дорогой! Вы что, только вчера на свет родились?

Не ожидавший от медика такого подхода к делу, Ре-Ранкар совершенно растерялся. Что-то надо было ответить, но в голове не было ни единой стоящей мысли.

– Знаете, что меня радует, мэй Ре-Ранкар? – задал еще один неожиданный вопрос доктор.

– Нет, – честно признался старший дознаватель.

– То, что сейчас мне не надо штопать на вас еще одну дырку. – Во-Валмер тихонечко хихикнул, радуясь своему весьма специфическому, медицинскому чувству юмора. – Сегодня я буду лечить вас от простуды. И это, скажу вам, мэй Ре-Ранкар, замечательненько!

Продолжая неумолчно болтать о чем-то своем – о микстурах, о прививках, о градусниках и о клизме, – Во-Валмер быстренько провел общий осмотр старшего дознавателя Ре-Ранкара. И в целом остался вполне доволен состоянием его организма.

– Сколько вам?.. Сорок три. Ну, я скажу вам, мэй вы мой расчудесненький, именно на сорок три вы и тянете! И это великолепененько! Состояние здоровья большинства городских жителей вашего возраста соответствует шестидесятилетним старикам! Да-да! Знаете, какая средняя продолжительность жизни среднестатистического рен-гатарца?.. Легкие у вас чистые, мэй Ре-Ранкар, и это превосходненько! А вот бронхитик у нас основательный... Под дождь, говорите, вчера попали. Ну, так я тоже промок. Однако придя домой... Что вы сделали, придя домой?.. Салат?.. Из сосисок и огурца!.. Ну, знаете, милый мой мэй, тогда я удивляюсь, как вы вообще сегодня утром до участка дотащились? Я вчера, вернувшись домой, выпил два стакана подогретого темного дхута и в горячую ванну забрался. Поэтому сегодня у меня даже насморка нет. Вот так-то!.. А вам следовало бы

наглотаться таблеток и завалиться в кровать. Непременно! И чтобы кто-то очень добрый все время держал у вас ладошку на лбу... Нет, я не шучу. Любовь или просто добрые человеческие отношения весьма способствуют выздоровлению... Да, я в курсе, мэйя Ал-Алия сказала мне, что сегодняшний вечер вам предстоит провести на ногах. Но только сначала клятвенно пообещайте мне, что, покончив с самыми неотложными делами – именно так, мэй вы мой болезный, всех дел, как известно, никогда не переделать, – вы ляжете в постель и станете неукоснительно следовать всем моим предписаниям. Хотя бы в течение трех дней. Ну, что, по рукам?

Получив от Ре-Ранкара самое серьезное подтверждение намерения вплотную заняться своим здоровьем, Во-Валмер извлек из чемодана переносной пластиковый стерилизатор, в котором залитый спиртом лежал двадцатикубовый шприц. Вскрыв четыре ампулы, доктор впрыснул содержимое одной из них в небольшой флакончик с белым порошком. После того как порошок растворился, он набрал содержимое флакончика и трех других открытых ампул в шприц. Надев на шприц иглу, он легонько щелкнул по стеклянному корпусу ногтем, выпустил воздух из иглы и вогнал ее в локтевую вену Ре-Ранкара. Он так ловко это проделал, что старший дознаватель даже легкого укола не почувствовал. Выпустив все содержимое шприца в вену Ре-Ранкара, врач выдернул иглу и прижал к месту укола ватку, смоченную спиртом.

– Что это было? – поинтересовался на всякий случай Ре-

Ранкар.

– Не бойтесь, глубокоуважаемый мэй старший дознаватель, – усмехнулся Во-Валмер. – Не наркотик. Всего лишь витамины и биологически активные компоненты, смешанные в строго определенных пропорциях. Формула данной смеси, – доктор гордо вскинул бородку, – является моим врачебным секретом!

– И вы не хотите поделиться им с другими? – Ре-Ранкар прыгнул с края стола, на котором сидел, и стал натягивать рубашку.

– Почему же, очень даже хочу, – Во-Валмер кинул стерилизатор в саквояж. – Но официальная медицина не желает признавать мои методики, поскольку большинство из них я разработал эмпирически, полагаясь не столько на разум, сколько на интуицию. – Доктор показал Ре-Ранкару свой вариатор, видимо, навсегда замерший в положении «Интуиция». – Знаете, очень неприятно слушать, как тебя называют шарлатаном.

– А вы уверены, что ваши методики работают? – спросил Ре-Ранкар.

– Подождите, мэй, – немного насмешливо глянул на недоверчивого пациента Во-Валмер. – Через пару минут почувствуете результат.

И Ре-Ранкар действительно почувствовал. Да еще как! Не прошло и двух минут, как все тело старшего дознавателя охватил жар. На коже выступила испарина, в ушах зазвенело.

Ре-Ранкар ощутил страшную слабость, пошатнулся и, чтобы не упасть, схватился руками за край стола.

– Присядьте, дорогой мой мэй, присядьте. – Во-Валмер подхватил Ре-Ранкара под локоть и помог ему добраться до кресла. – Вижу, уже началось, – улыбнулся он, глядя на истекающего потом пациента.

Ре-Ранкар не нашел в себе сил даже на то, чтобы ответить. Он медленно опустил голову, поднял руку, провел рукавом пиджака по мокрому лицу – да так и залип в крайне неудобном скорченном состоянии.

– А, ну-ка, – Во-Валмер взял старшего дознавателя за плечи и, особенно не напрягаясь, заставил его откинуться на спинку кресла. – Дышите глубоко и мерно, мэй Ре-Ранкар, сейчас вам станет лучше. Да, какое там, лучше! Вам станет очень, очень хорошо!

Повинуясь доктору – а, собственно, что еще ему оставалось? – Ре-Ранкар сделал глубокий вдох. Затем еще один. После третьего вздоха он почувствовал, как что-то щекочет его чуть ниже пупка. Что-то очень быстро вращалось там, цепляя, щекоча, но не раздражая кожу. Причем не снаружи, а изнутри. Казалось, в животе у старшего дознавателя зарождается маленький ураганчик. Жар быстро спал, и Ре-Ранкар ощутил небывалый прилив сил. В горле все еще немного першило, но это было ничто по сравнению с теми муками, что стоически преодолевал он прежде. Кашлять совсем не хотелось. И глаза уже не слезились, как у страдающего глау-

комой восьмидесятипятилетнего старика. Ре-Ранкар уверенно поднял руки и одернул помятые лацканы пиджака.

– Ну, мэй Во-Валмер, вы просто волшебник.

– Да что вы, – смущенно потупил взор доктор.

– После того чуда, что вы совершили, готов вместе с вами послать ко всем чертям официальную медицину.

– Не стоит, – улыбнувшись, махнул ручкой Во-Валмер. – Рад, что удалось вам помочь. Чувствуете волчок в низу живота?

– Да.

– Как только он перестанет вращаться, силы ваши закончатся и вы буквально свалитесь с ног. Так что уж постарайтесь, как обещали, оказаться к этому моменту в постели.

– Постараюсь, доктор.

– Ну... – Во-Валмер защелкнул замки саквояжа и взял его за ручку.

– Скажите, мэй, как давно вы знаете Ал-Алию?

– При чем тут это? – Доктор скосил на Ре-Ранкара подозрительный взгляд.

– Это всего лишь невинный вопрос. – Ре-Ранкар, казалось, был удивлен столь странной реакцией Во-Валмера.

– В участке стражей порядка невинных вопросов не задают.

– Вы здесь как гость.

– Ну и что? Вопрос, который вы задали, не имеет никакого отношения к тому, зачем я сюда пришел.

– И вы не станете на него отвечать?

– Не хочу.

– Но...

– Около трех лет.

– Вы работаете вместе?

– Нет. Я гражданский специалист.

– И тем не менее Ал-Алия обращается к вам за помощью.

– Я ей многим обязан.

– Чем именно?

– Не скажу.

– Ваше право. А что вы о ней думаете?

– Это мое дело. – Во-Валмер схватил ручку саквояжа обеими руками и прижал его к груди. – Что вам от меня нужно?

– Абсолютно ничего. – Ре-Ранкар дружески приобнял врача за плечи. – Я искренне благодарен вам за помощь и надеюсь, что когда-нибудь смогу тоже оказать вам услугу.

Старший дознаватель протянул Во-Валмеру визитку. Врач быстро пробежал ее взглядом, ухмыльнулся и сунул в карман.

– Я могу идти?

– Конечно! – широко развел руки в стороны Ре-Ранкар. – Но, если подождете, я найду авто, которое отвезет вас домой. Или куда вам нужно?

– Не стоит, я сам доберусь, мне недалеко. – Во-Валмер учтиво поклонился старшему дознавателю, быстрой походкой подошел к двери и положил пальцы на круглую дверную

ручку. – Не доверяйте ей, – тихо произнес он, не обращаясь, и выскочил за дверь прежде, чем Ре-Ранкар успел как-то среагировать на его слова.

Не доверяйте ей...

Ре-Ранкар задумчиво провел пальцами по скулам. Ничего другого он и не ожидал услышать. Удивило его лишь то, с какой прямоотой ответил на его вопрос доктор Во-Валмер.

Не доверяйте ей!

В дверь заглянула Ал-Алия. Мило улыбнулась.

– Как чувствуете себя, мэй старший дознаватель?

– Если вы уже проголодались, то я готов отвести вас в замечательное маленькое кафе, – улыбнулся в ответ Ре-Ранкар. – Местная достопримечательность.

– И чем же славно это заведение?

– Тем, что кормят там вкусно и недорого.

* * *

Быть может, все дело было в том, что утром Ре-Ранкар выбежал из дома, даже бутерброд не перехватив, а может быть, сказалось чудодейственное средство доктора Во-Валмера, только по дороге в кафе старший дознаватель почувствовал вдруг такой зверский голод, что, усевшись за столик, едва дождался официантку. Бровь Ал-Алии поднималась все выше по мере того, как рос список блюд, что намеревался съесть Ре-Ранкар. В какой-то момент она даже подумала, что

он делает заказ на двоих, но, когда старший дознаватель передал ей папку с меню, поняла, что ошибалась.

– Непременно попробуйте фирменное блюдо, – посоветовал Ре-Ранкар.

– А что оно собой представляет? – Ал-Алия изучала страничку меню, на которой были перечислены салаты.

Ре-Ранкар взглядом переадресовал вопрос официантке.

– Фирменное блюдо, – сказала та, медленно пережевывая жвачку. – Такое больше нигде не подается.

– Я понимаю. – Ал-Алия краем глаза посмотрела на официантку. – Но из чего оно сделано?

– Фирменное блюдо готовится только из натуральных продуктов, – выдала заученную фразу официантка.

– Блюдо вегетарианское? – решила подойти к вопросу с другой стороны Ал-Алия.

– Не-ет. – Лицо официантки обиженно вытянулось. – В фирменное блюдо входят три-четыре сорта мяса.

– Это разновидность рагу, – пришел ей на помощь Ре-Ранкар. – Готовится на очень сильном открытом огне. Состав постоянно меняется, в зависимости от того, что имеется под рукой у повара. Но всякий раз получается неизменно вкусно. Я бы даже сказал, обалденно вкусно! Берите, не пожалеете. На худой конец, если совсем уж не понравится, отдадите мне – я съем. – Ре-Ранкар ничуть не кривил душой, уговаривая Ал-Алию попробовать местное фирменное блюдо. Но при этом он еще и хотел, чтобы официантка как можно скорее

приняла заказ и принесла ему что-нибудь поесть.

– Ну, хорошо, – захлопнула меню Ал-Алия. – Фирменное блюдо, пару тостов с сыром и кисломолочный коктейль.

У Ре-Ранкара внутренности едва не завязались узлом. Он ненавидел кисломолочные смеси и, несмотря на всю свою толерантность, отказывался понимать людей, которые их потребляли. Да, говорят, что для здоровья полезно, но ведь противно же! Старшему дознавателю пришлось сделать немалое усилие над собой, чтобы сохранить на лице невозмутимое выражение.

Приняв заказ, официантка степенно удалилась. А Ал-Алия положила руки на край стола, плечики сдвинула, голову опустила, взгляд потупила – ну, прямо студентка-первокурсница перед строгим учителем.

– Мэй Ре-Ранкар, – произнесла она едва слышно. – Я понимаю причину вашего скептического отношения к моей теории об убийце-монотипе...

– Сомневаюсь.

Ал-Алия бросила на Ре-Ранкара быстрый взгляд из-под опущенных ресниц.

– Сомневаюсь, что вы ее понимаете, – повторил старший дознаватель.

– В любом случае, я с уважением отношусь к вашему мнению, – иначе подошла к теме Ал-Алия. – Вы опытный дознаватель, профессионал. Вы привыкли доверять фактам и вещественным доказательствам. Поэтому вам трудно принять

мои доводы. Но я прошу вас, мэй Ре-Ранкар... Я очень прошу вас... Дайте мне шанс.

– Шанс?

– Да.

Вернулась официантка с полным подносом наполненных едой тарелок. Ре-Ранкар тут же взялся за вилку и вожаденным взглядом окинул приготовленный к пиршеству стол. Если хочешь по-настоящему насладиться едой, главное – не торопиться. Иначе трапеза превратится в пустое поглощение калорий. Для начала – салат. Отварное мясо домашней птицы, яйца, зелень и острый рег-сикарский сыр.

– Приятного аппетита, – улыбнувшись, пожелала официантка и, зажав поднос под мышкой, поплыла в сторону кухни.

Ал-Алия с некоторым недоумением уставилась на стоявшую перед ней на столе глубокую глиняную миску с обожженными краями, до краев наполненную чем-то неопределенным и бесформенным, покрытым сверху коричневатой корочкой запекшегося сыра.

– Это и есть фирменное блюдо?

Ре-Ранкар коротко кивнул. Отодвинув в сторону пустую тарелку из-под салата, он взялся за следующую. Запеченная рыба под кислым слаевым соусом. Объедение. Такую рыбу когда-то замечательно готовила мама Ре-Ранкара. Но только по большим праздникам, потому что процесс готовки занимал несколько часов.

Ал-Алия вилкой разломилась сырную корочку на фирменном блюде. Из трещины, как из разлома земной коры, полился пар. Ал-Алия положила вилку на край миски и сделала большой глоток из стакана с кисломолочным коктейлем.

– Не нравится? – спросил Ре-Ранкар.

– Я еще не попробовала.

– Так чего же ждете?

Ал-Алия снова взяла в руку вилку.

– Скажу вам честно, мэй Ре-Ранкар, это дело очень много для меня значит.

– Как и для всех нас, – согласно кивнул старший дознаватель.

– Для меня в особенности.

Ал-Алия подцепила на вилку небольшой кусочек непонятно чего и отправила его в рот. Что это было, она и на вкус не определила. Но при этом и не возникло желание немедленно выплюнуть незнакомую еду.

– Ну как? – полюбопытствовал Ре-Ранкар.

– Неплохо, – кивнула Ал-Алия.

– Я же говорил!

– Дело в том, мэй Ре-Ранкар, что в Службе стражей Анклава многие, как и вы, считают мою работу бессмысленной. И, если я не смогу доказать обратное, эта тема будет закрыта...

– Простите, какая именно тема?

– Исследование криминогенных особенностей психики

МОНОТИПОВ.

– Так, значит? – Ре-Ранкар в задумчивости постучал вилок по краю тарелки. – А какой в этом смысл? Мы ведь не лечебное заведение.

– Это даст возможность предсказать, а значит, и предотвратить ряд тяжких преступлений.

– Это я уже слышал, – Ре-Ранкар взялся за свою миску с фирменным блюдом. – Сомневаюсь.

– Давайте хотя бы попробуем. – Занятый фирменным блюдом, старший дознаватель не заметил умоляющего взгляда женщина. – А вдруг получится!

– А вдруг с неба начнут падать горячие булки?

– Мэй Ре-Ранкар, вы лишаете меня всего.

– Не преувеличивайте, мэйя Ал-Алия.

– Я уже подала рапорт в ССА о готовящейся операции. Это было нужно, чтобы заказать необходимое оборудование, которого нет у вас в участке. Если выяснится, что я спланировала операцию самостоятельно, не согласовав ее с вами и смотрителем участка... Вы понимаете, чем это для меня закончится.

– Понимаю. – Ре-Ранкар подцепил на вилку что-то из миски с фирменным блюдом. – Вы ничего не едите, мэйя Ал-Алия.

– Мне сейчас не до еды. – Ал-Алия воткнула вилку в аппетитную сырную корочку, подостывшую как раз настолько, чтобы ее можно было попробовать, не боясь обжечься.

– Что за оборудование вы заказали в ССА?

– Миниатюрный микрофон с высокочастотным передатчиком и приемное устройство с функцией записи на магнитную проволоку.

Ре-Ранкар хмыкнул, не то удивленно, не то насмешливо, и снова принялся за еду.

– Сегодня утром я уже побывала в «Зажигай», – быстро, как будто боясь, что ее перебыют, заставят умолкнуть, заговорила Ал-Алия. – Мы можем зарезервировать для вас один из столиков, очень удобный для наблюдения за залом. У них на столах стоят большие пепельницы, к днищу которой легко можно пристроить микрофон. Я... Мы с вашими людьми будем неподалеку. Нам будет слышно каждое ваше слово. И, как только мы поймем, что с вами заговорил убийца, мы блокируем все выходы из бара и возьмем его.

– Я еще раз повторяю, убийца не настолько глуп, чтобы заявиться в набитый людьми бар и попытаться совершить там свой кровавый ритуал.

– Пусть так, – не стала спорить Ал-Алия. – Но он назначил вам встречу.

– Это вы так решили.

– Это очевидно. Он все делает расчетливо и не совершает ошибок.

– А явиться в «Зажигай» на встречу с дознавателем, по-вашему, не ошибка?

– Не забывают, мэй Ре-Ранкар, мы имеем дело с моноти-

пом.

– И что с того?

– Мы не в состоянии до конца понять логику его действий.

– Монотипы – такие же люди, как и мы с вами. Они чувствуют боль и хотят жить, как и любой из поливариантов.

– У них иная психика.

– Мы тоже не очень-то похожи друг на друга. А монотипы... Как человек становится монотипом? Он рождается таким или это следствие какого-то заболевания?

– На этот счет существуют разные мнения. Как правило, монотипия диагностируется у детей в возрасте десяти-двенадцати лет. Обычно родители или учителя начинают обращать внимание на становящееся все более ярко выраженным асоциальное поведение детей.

– Значит, монотипия это не наследственное заболевание?

– Наследование ряда заболеваний происходит не по прямой линии. Но вы правы, фактов, подтверждающих наследственную природу монотипии, нет.

– Быть может, причина в особенностях воспитания? В особой среде, в которой происходит взросление монотипов?

– Насколько мне известно, никто не проводил подобных исследований.

– Почему?

– Потому что монотипию принято относить к психическим заболеваниям, в основе которых лежат физиологические нарушения.

– Говоря иными словами, человек рождается монотипом, и с этим уже ничего не поделаешь?

– Да. Только внешние проявления этого заболевания не всегда очевидны. Поэтому бывают случаи, когда диагноз «монотипия» ставится людям, уже вышедшим из подросткового возраста. Порой они сами обращаются к врачам, испытывая все больший дискомфорт в общении с другими людьми. Это серьезная патология, мэй Ре-Ранкар, и в настоящее время, увы, не существует эффективных методов лечения этого заболевания. Мы можем лишь несколько замедлить его развитие. Но для этого больного необходимо изолировать от общества.

– А что, если тем самым вы только провоцируете развитие негативного процесса?

– Я не понимаю вас, мэй Ре-Ранкар.

– Как вы говорите, четкой симптоматики монотипии нет. Психиатр, ставящий обратившемуся к нему пациенту диагноз, действует в основном интуитивно, опираясь на свой врачебный опыт. То есть он сам определяет, что считать нормой, а что – патологией.

– На этом держится вся психиатрия.

– И вы считаете это правильным?

– Что именно?

– То, что любое отклонение от нормы приравнивается к болезни. Да и кто определил, что есть норма?

– Если человек не пользуется вариатором – это уже ненор-

мально.

– А если он пользуется им без конца?

Ал-Алия резко отдернула и спрятала под стол руку, которой последние несколько минут нервно теребила вариатор на запястье, явно борясь с желанием нажать на кнопку ручной установки.

– Почему вас интересует эта тема, мэй Ре-Ранкар?

– Почему? – Ре-Ранкар поскреб вилкой дно опустевшей миски и с удовольствием слизнул то, что удалось собрать. – Мы ведь собираемся поймать мерзавца, которого вы считаете свихнувшимся монотипом. И если я все же соглашусь на ваши условия, то для начала должен узнать о нем все.

– Мэй Ре-Ранкар!.. – Лицо Ал-Алии озарила счастливая улыбка.

– Я по-прежнему считаю вашу теорию неубедительной. – Ре-Ранкар поднял руку с открытой ладонью, дабы заранее пресечь все возможные возражения. – Но то, как вы готовы ее отстаивать, заслуживает уважения. Я дам вам возможность убедиться в том, что вы заблуждаетесь на счет нашего серийного убийцы. Я потрачу вечер в «Зажигай», но только один. – Ре-Ранкар показал указательный палец. – Если сегодня ничего не произойдет, мы просто забудем об этом и дальше будем работать по моим правилам. Договорились?

– Да! – с готовностью кивнула Ал-Алия. – Мэй Ре-Ранкар!..

– И не надо меня благодарить, – снова перебил ее стар-

ший дознаватель. — Будем считать, что это моя благодарность вам за знакомство с удивительным доктором Во-Валмером. Кстати, как вы с ним познакомились?

— О, мэй Во-Валмер старинный друг нашей семьи! — Ал-Алия, казалось, готова была окунуться в воспоминания далекого детства. Ре-Ранкар молча ждал. Ал-Алия взяла вилку и принялась за остывшее фирменное блюдо.

— Я так и подумал, — кивнул Ре-Ранкар.

Он действительно так и подумал. Только не о том.

Круг почти замкнулся.

* * *

Полутемный зал наполнен разноцветными мерцающими огнями. Сигаретный дым вьется петлями, цепляющимися друг за друга. Кажущаяся странной, непривычная музыка то взлетает под потолок бухающими басами и частыми, перекрывающимися дробями ударных, то стелится по полу легкими, едва слышными переборами клавишных. Десятка три небольших круглых столиков — максимум пять человек за таким уместятся, да и то, если очень плотно прижмутся друг к другу, — в дизайнерском беспорядке разбросаны вокруг приподнятого на тридцать сантиметров танцпола. Судя по тому, что в зале не протолкнуться, а на танцполе — иголке негде упасть, заведение пользуется популярностью.

Взмахом руки Ре-Ранкар подозвал пробежавшего мимо

официанта.

– Для меня тут столик должен быть зарезервирован.

– Мы не резервируем столики. Можете занять любое свободное место, если найдете.

Официанту дела нет до нудного посетителя – по одежке видно, что он не из постоянных клиентов, к которым все же следует проявлять минимум уважения. Он уже готов лететь дальше по своим полотенчато-стаканным делам, но Ре-Ранкар крепко ухватил его за локоть.

– Для меня зарезервирован столик, – медленно, глядя растерянному официанту в глаза, произнес старший дознаватель. – Понял?

Сильные пальцы чуть посильнее сдавили локоть официанта. Еще самую малость сильнее – и станет больно.

– А, так это для вас! – заискивающе улыбнулся официант. – Простите, сразу не понял. Мы ведь действительно не резервируем столиков. Только в особых случаях и для особых гостей...

– Где?

– Прошу вас, – сделал приглашающий жест официант. – Пойдемте, я вас провожу.

Ре-Ранкар отпустил локоть провожатого – теперь он никуда не денется.

Ловко лавируя меж толпящейся, суетсящейся, пританцовывающей, нервно курящей и не спеша выпивающей публики, официант подвел Ре-Ранкара к единственному незанято-

му столику. Своей демонстративной, нахально бросающейся в глаза в переполненном зале, можно даже сказать, дерзкой и наглой пустотой столик вызывал недоумение у тех, кто находился рядом. На столе не было ничего, кроме массивной треугольной пепельницы с надписью «Зажигай!» на каждом из трех бортов. Народ поглядывал на странный столик, но никто не решался за него присесть. Ре-Ранкар сел на стул, стукнул пальцем по полированной столешнице и чуть-чуть переместил пепельницу, так, чтобы она оказалось точно посередине стола.

– А где караоке? – спросил он у официанта.

– Вон оно, – указал тот на два десятка круглых, старомодных микрофонов, болтающихся на толстых черных шнурах над танцполом. – Осталось как антураж. Так же, как и слово в названии бара. Нынче караоке не в моде. У нас теперь если кто и поет, так только под утро, когда ноги уже не держат... Что-нибудь хотите?

– В смысле, попеть? – переспросил Ре-Ранкар.

– В смысле, попить, – едва заметно улыбнулся официант. – А можно и поесть. Ваш столик сегодня обслуживается за счет заведения. Так что можете ни в чем себе не отказывать.

– Ах, вот оно как.

На счет столика в «Зажигай!» договаривалась Ал-Алия. Видно, хозяин заведения решил, что это хороший случай немножко подмазать стражей порядка так, чтобы не выгля-

дело взяткой. А может быть, и сама Ал-Алия намекнула хозяину, что о сегодняшнем госте стоит позаботиться особо. С нее станется.

– Стакан дхута, – сказал Ре-Ранкар.

Только потому, что сидеть за пустым столом было совсем уж глупо. Он и без того-то бросался всем в глаза. А ежели сложить руки перед собой и начать сверлить взглядом каждого проходящего мимо, пытаясь угадать, не он ли тот самый тип, что забыл зажигалку на месте последнего убийства, так и вовсе будешь выглядеть полным идиотом. Нет уж, лучше не спеша дхут потягивать и делать вид, что столик полностью занят, а приятели отошли ненадолго, кто к стойке, кто в туалет.

– И все? – удивленно приподнял бровь официант. Видно, парню было в диковинку, что кто-то отказывается от дармовой выпивки.

– Пока все, – кивнул Ре-Ранкар. И, заговорщицки подмигнув, добавил: – Ты не волнуйся, я здесь долго сидеть буду. Может быть, до самого утра.

Официант безразлично дернул плечом и удалился. Пока он ходил за дхутом, человек двадцать подошли к столику и поинтересовались у Ре-Ранкара, нельзя ли присесть рядом с ним. Старший дознаватель отвечал неизменным отказом. При этом он еще и выражение лица делал таким неприязненным, чтобы ни у кого более не возникло искушения обратиться к нему снова с тем же вопросом.

Вернувшийся официант поставил перед особо почетным гостем наполненный всклянь стакан светлого дхута, постоял рядом пару минут – видно, получил указание от хозяина быть внимательным и вежливым – и, убедившись в своей ненужности, отбыл восвояси.

Не спеша потягивая дхут, Ре-Ранкар изучал взглядом публику. По большей части это была молодежь в возрасте от восемнадцати до двадцати четырех. Судя по модным шмоткам и стильным прическам – ребятки не из нуждающихся семей. А судя по глуповатым выражениям лиц – иных интересов, кроме перманентной тусовки, у них не было. Интересно, в каких положениях находились сейчас их вариаторы? И было ли кому-то из этих ребят сейчас хоть какое-то дело до того, что показывал прибор, выбирающий для него базовый тип личности? Ре-Ранкару доводилось слышать о том, что на некоторых частных вечеринках принято снимать вариаторы перед началом веселья. Говорят, что таким образом люди сбрасывают с себя все моральные и нравственные ограничения, после чего предаются безудержной, безумной гульбе. А потом, что бы они ни натворили в этот вечер, никто не чувствует ни малейших укоров совести. Потому что без вариаторов это уже как бы вовсе и не они были, а нечто безымянное, лишённое личностной самоидентификации. Вот чем следовало бы заняться Ал-Алии – на что способен человек в состоянии, когда не чувствует за собой никаких обязательств и ни малейшей ответственности? Это, если

выплеснется на поверхность, окажется, пожалуй, пострашнее, чем высосанный из пальца заговор слетевших с катушек монотипов.

– Простите, к вам можно присесть?

Ре-Ранкару уже так надоел этот вопрос, что он ответил, даже не взглянув на спрашивающего.

– Нет.

– Но за вашим столиком свободные места.

Вот теперь Ре-Ранкар поднял взгляд, чтобы взглянуть на дотошного правдоискателя. Рядом с ним стоял парень лет двадцати пяти, одетый в черные брюки на широком ремне, такую же темную водолазку и короткую куртку из кожзамениителя с блестящими клепками на груди. Лицо узкое, смуглое, подбородок гладко выбрит. Широкий нос с мясистыми крыльями. Глубоко посаженные глаза настороженно смотрят исподлобья. Темные волосы гладко зачесаны назад, но лоб от этого все равно не становится больше. Стоит уверенно, чуть шире обычного расставив ноги и сложив руки за спиной.

– Занято, – медленно процедил сквозь зубы Ре-Ранкар.

– У вас два свободных стула, – уперто стоял на своем парень в куртке.

– Приятели отошли, – кивнул куда-то в сторону Ре-Ранкар.

– И недопитые стаканы с собой забрали, – криво усмехнулся парень.

Он относился к тому типу людей, которых Ре-Ранкар тер-

петь не мог – наглых и самоуверенных без всяких на то оснований. Он вел себя так, будто был хозяином жизни, и при этом даже не подозревал о том, что человек, к которому он сейчас обращался, мог убить его, даже не вставая ради этого со стула. Парень явно нарывался на конфликт, который в данный момент никак не вписывался в планы Ре-Ранкара. И ради чего, спрашивается? Кому и что он пытался доказать?

– Шел бы ты отсюда, парень, – предпринял последнюю попытку разойтись миром Ре-Ранкар.

Парень ногой отодвинул свободный стул, сел, засунул руки в карманы и голову в плечи втянул. Набычился. А может, насторожился.

– Зажигалку мою принес?

Если Ре-Ранкар и растерялся, то лишь на секунду-другую, так, что парень этого и не заметил даже. Его визави мало соответствовал тому образу, который мысленно нарисовал для себя старший дознаватель. Да и явился он раньше, чем ожидал Ре-Ранкар. Старший дознаватель, не спеша, с удовольствием, наслаждаясь каждым глотком, допил остававшийся в стакане дхут. Поставив пустой стакан на стол, Ре-Ранкар двумя пальцами достал из кармана зажигалку и брезгливо кинул ее парню на колени. Тот, наклонив голову, посмотрел на нее, хмыкнул и положил в пепельницу.

– Уважаемый! – Ре-Ранкар показал пробежавшему мимо официанту пустой стакан. Тот на ходу кивнул – понял, мол, – и растворился в толпе. Отсутствовал он минуты две. Все это

время старший дознаватель и парень в кожаной куртке молча изучали друг друга. Каждый ждал, что другой начнет говорить первым. Хотя со стороны могло показаться, что им просто нечего друг другу сказать. Вернувшись, официант поставил на стол запотевший стакан, профессионально вежливо улыбнулся Ре-Ранкару и, получив в ответ кивок благодарности, ретировался.

– Я думал, ты меня угостишь, – усмехнулся парень.

Усмешка у него была некрасивая и неприятная. Будто вымученная – когда живот от боли сводит, а приходится улыбаться.

– С чего бы вдруг? – Ре-Ранкар даже и не думал скрывать неприязнь.

– Ну... Мы вроде как... – парень сделал неторопливое, плавное движение рукой, будто невидимую горизонтальную плоскость протер, – за одним столом...

Ре-Ранкар сделал глоток дхута, сладко чмокнул губами и поставил стакан на стол.

– И что дальше?

– Дальше? – удивленно наклонил голову парень.

– Что тебе от меня нужно?

– Ну, я бы не стал так ставить вопрос, – покачал головой парень. – По-моему, у нас взаимный интерес друг к другу.

– Нет, – решительно отказался от такого подхода к делу старший дознаватель. – Я знаю, что нужно мне, – засадить тебя за решетку. И я сделаю это, будь спокоен.

Парень раскинул руки в стороны.

– Похоже, что я нервничаю?

Он нервничал. Еще как! Ре-Ранкар видел, как мелко подрагивают кончики его пальцев. Как то и дело косит в сторону левый глаз. Это не хладнокровный садист-маньяк и не дерганый убийца-психопат. За годы службы Ре-Ранкар повидал и тех и других. Первые невозмутимы, как фонарные столбы, о любого из них можно лоб расшибить, а он тебя и не заметит. Вторых трясет, как в лихорадке, и говорить они спокойно не могут – то и дело на крик срываются. Не тот, и не другой. Но и не просто лох с улицы. Кого же тогда подсунула ему Ал-Алия?

Ре-Ранкар сделал глоток дхута и посмотрел на парня поверх края стакана. Интересно, как он представлял себе эту встречу?

– Ты не хочешь меня ни о чем спросить? – с вызовом вскинул подбородок парень.

– Нет, – едва заметно качнул головой Ре-Ранкар.

– Зачем же ты пришел?

Прежде чем ответить, Ре-Ранкар посмотрел по сторонам. Ритмичное буханье сделалось еще чаще и громче, чем было, когда он только пришел. Да и народу вроде бы прибавилось. Хотя, казалось бы, куда уж больше?

– Отдохнуть. Послушать музыку. – Старший дознаватель еще раз приложился к стакану. – Дхута попить.

Парень зябко передернул плечами.

– Что? – изобразил удивление Ре-Ранкар.

– Я тебя не понимаю.

– А я не так прост, как думает Ал-Алия.

– Ал-Алия? Кто это?

Ре-Ранкар усмехнулся.

– Одна знакомая дамочка.

– Вот как.

С непринужденным видом парень вытащил из кармана пачку дорогих сигарет. Щелкнув ногтем, выбил одну сигарету.

– Закуришь? – быстро глянул он на Ре-Ранкара.

– Не курю.

Парень взял со стола зажигалку и прикурил от голубоватого язычка пламени.

Зажигай!

Глубоко затянувшись, он стряхнул пепел в пепельницу и повернул ее так, чтобы острый угол был направлен на Ре-Ранкара.

– Ты не хочешь ни о чем меня спросить?

Парень тщетно пытался удержаться в рамках заготовленного сценария.

– Зачем?

– Ты ведь искал меня.

– Но встречу назначил ты.

Парень замялся. Бросил взгляд в сторону, как будто искал кого-то в толпе.

– Я хочу сделать заявление.

Он раздавил сигарету в пепельнице.

– Прямо здесь? Сейчас?

– Да!

– Ну хорошо. Вон, видишь? – Ре-Ранкар указал на свисающие с потолка микрофоны. – Обратись к кому-нибудь из обслуживающего персонала, и он тебе включит один из них.

– Ты шутишь?

– Я похож на шутника?

– Ты не похож на старшего дознавателя.

– Мне все об этом говорят.

– Это я! – Парень подался чуть вперед и ткнул себя пальцем в грудь. – Я убил четырех человек! Сначала подсыпал в питье каждому из них нескаин, а потом выпотрошил! И я буду продолжать убивать! Знаешь, почему?

Ре-Ранкар с безразличным видом откинулся на спинку стула.

– А мне по фигу. В больных мозгах убийцы копается судебный психолог. А для меня нет большего удовольствия, чем вышибить убийце эти самые мозги.

Парень нервно дернул подбородком. Ре-Ранкар ломал, как хворост сценарий, который был продуман до мелочей. Происходящее теряло смысл.

– Тогда, может, тебе будет интересно узнать, кто станет следующей жертвой?

– Есть мнение, что я.

– Или кто-то очень на тебя похожий.

– А, так ты еще не сделал окончательный выбор! – Ре-Ранкар был возмущен, точно преподаватель, уличивший студента в том, что тот не подготовился к занятиям. – Тогда какого рожна ты меня сюда пригласил?

Парень обхватил пальцами левой руки запястье правой. Ре-Ранкар про себя усмехнулся. Чтобы обмануть его, дурачок надел вариатор на правую руку, в то время как обычно его носят на левой.

– Я хочу сделать заявление. – Парень бросил быстрый взгляд на пепельницу. – Я не обычный убийца, с которыми ты привык иметь дело...

– Ну, да, конечно. Ты убиваешь людей из идейных соображений, потому что принадлежишь к тайному ордену монотипов, готовящих государственный переворот. Ну а до тех пор пока время ваше не настало, вы упражняетесь, готовясь к будущей резне. Верно?

Парень молчал, не зная, что сказать.

– Как мне тебя называть? – спросил Ре-Ранкар.

– Ку-Кифнер.

– Ладно, пусть будет так. Хотя, если не ошибаюсь, был игрок в малый мяч с таким же именем. Верно? Знаешь, почему я тебе не верю, Ку-Кифнер?

– Почему?

– Положи-ка руку на стол.

– Зачем?

– Хочу кое-что тебе объяснить. На пальцах.

Парень озадаченно прикусил губу.

– Боишься?

– Да нет... Чего мне бояться!

Он звонко шлепнул левую ладонь на стол.

– Другую.

Ку-Кифнер положил на стол правую ладонь.

– Отлично.

Ре-Ранкар тихонько хлопнул по внешней стороне ладони Ку-Кифнера. И тут же другой рукой выдернул из-за пояса тонкий, острый как бритва, стилет, и с размаха пригвоздил им ладонь Ку-Кифнера к столешнице. Парень взвыл от боли и попытался перехватить у Ре-Ранкара рукоятку стилета. Но тот – Сидеть! – толкнул его в плечо. Парень, не то воя, не то стеная, упал на спинку стула. Стоявшие вокруг люди с ужасом и недоумением смотрели на происходящее. Взвизгнула какая-то девушка. Кто-то крикнул – Стража! – но так неуверенно, что голос его утонул в реве музыки. Но никто, ни единый человек не попытался вмешаться.

– Ну как тебе это, Ку-Кифнер? – поинтересовался старший дознаватель.

– Вытащи нож! – прошипел сквозь зубы парень.

– Разве тебе это не нравится? – удивленно вскинул брови Ре-Ранкар. – Правда? Нежели ты никогда не хотел сам войти в мир боли?

Парень отчаянно затряс головой, наотрез отказываясь от

столь нелепого предположения.

– Тогда ради чего ты все это затеял? – еще больше удивился Ре-Ранкар.

– Я... Я хотел...

– В чем дело? Что тут происходит?

К столику подбежал знакомый Ре-Ранкару официант с парой мордovorотов-вышибал.

– Все в порядке, – дружески улыбнулся им Ре-Ранкар. – Я из Службы стражей порядка. – Он достал из кармана удостоверение и продемонстрировал его вышибалам. – Старший дознаватель Ре-Ранкар. Провожу допрос подозреваемого, а потому попрошу мне не мешать.

– По-моему, ему неприятно, – пробасил один из громил. Другой же пальцем, похожим на маленькую копченую колбаску, слегка оттянул рукоятку стилета и отпустил. Как будто хотел удостовериться в том, что нож настоящий. Ку-Кифнер сдавленно пискнул. Громила удовлетворенно хмыкнул.

– Согласен, – не стал спорить с очевидным Ре-Ранкар. – Но иначе он может убежать. Верно?

Один из здоровяков, подумав, кивнул. Другой задумчиво почесал щеку.

– А за испорченный стол кто заплатит?

Ре-Ранкар взглядом переадресовал вопрос официанту. Который был в курсе.

– Столик полностью оплачен! – заверил вышибал официант. – Вы только, пожалуйста, постарайтесь не привлекать к

себе внимание, – попросил он старшего дознавателя.

– Мы скоро уйдем, – заверил его Ре-Ранкар.

Ловко подхватив здоровяков под мускулистые ручки, официант увел их за собой.

– Вот видишь, – с укоризной вроде посмотрел на жалобно скулящего парня Ре-Ранкар. – Никому до тебя нет дела.

– Пожалеешь... Козел... – выплюнул угрозу Ку-Кифнер.

– Не думаю, – мило улыбнулся в ответ старший дознаватель. – Из тебя такой же серийный убийца, как из меня победитель конкурса караоке. Ты – тупой исполнитель, не способный самостоятельно принимать решения... И не смотри ты так умоляюще на пепельницу. Микрофон на месте. – Он поднял пепельницу и показал Ку-Кифнеру днище с прилепленным к нему черным диском. – Но Ал-Алия нас сейчас не слышит. Она слушает приглушенный шум толпы, звуки музыки и время от времени мои реплики, обращенные к официанту. Наверное, она недоумевает, почему ты задерживаешься?.. Как ты думаешь?

Ку-Кифнер только зубами проскрипел в ответ.

– Хочешь, я тебя освобожу?

– Да...

– Кто все это задумал?.. Ал-Алия? Хочет повернуть громкое дельце, чтобы ее не вышибли из ССА?.. Или она тоже исполнитель?.. Ну, я слушаю!

– Ты что, совсем дурак? – исподлобья посмотрел на него парень.

– Нет, – отрицательно качнул головой Ре-Ранкар. – Я только прикидываюсь придурковатым.

– Я не знаю...

– Чего ты не знаешь?

– Я не знаю, кто за всем этим стоит...

– Кто убивал людей?

– Не знаю.

– Ты понимаешь, что сейчас я могу повесить все эти убийства на тебя?

– Ни фига у тебя не выйдет!

– Ты так считаешь?.. Между прочим, убийцу, тебя тобишь, вычислил не я, а Ал-Алия. Она и послала меня на встречу с тобой. Предупредив, между прочим, что ты собираешься сделать меня своей очередной жертвой. Я страшно перепугался. Меня буквально всего трясло. Я страшно нервничал... Ну, и в результате, убил тебя. Понятное дело, исключительно в целях самообороны.

– У меня даже оружия при себе нет!

– А это? – Взглядом указал на торчащий из стола стилет Ре-Ранкар. – Ты угрожал мне стилетом, я отобрал у тебя оружие и полоснул им тебя по горлу. И, самое главное, знаешь что? – Ре-Ранкар подался вперед и перешел на доверительный полусшепот. – До тебя никому нет дела, – он погрозил Ку-Кифнеру пальцем. – Я тебе уже говорил это! Все в Службе стражей порядка хотят лишь одного – чтобы заткнулась пресса, взбеленившаяся после убийства Ол-Онару. И они с

радостью предъявят журналистам разыскиваемого маньяка. И, поверь мне, никого не смутит тот факт, что к тому времени убийца будет мертв. Напротив, все только порадуются тому, что свершилось высшее правосудие.

– Это... – взгляд Ку-Кифнера затравленно забежал по сторонам. Помощи или спасения он искал – кто знает. – Это... Это просто бред какой-то!

– Ага, – кивнул, соглашаясь с ним, Ре-Ранкар. – Такой же бред, как и обвинение монотипов во всех мыслимых и немыслимых грехах. Удивляюсь, как им только еще ритуальные убийства младенцев не приписывают? Или все к тому уже идет?... А, Ку-Кифнер?

– Я не знаю. – Парень наклонил голову, будто собираясь заплакать. Неожиданно он потянулся свободной рукой к запястью раненой. Но, опередив его, Ре-Ранкар сорвал с приколотой к стулу руки вариатор.

– Если решил изображать монотипа, научись обходиться без вариатора!

Старший дознаватель кинул металлический браслет в пепельницу. Ку-Кифнер снова потянулся за вариатором, но Ре-Ранкар прикрыл пепельницу рукой.

– Ну? Как долго ты без него протянешь?

Парень уронил голову на грудь и тихо, протяжно завыл.

– Эй! Ку-Кифнер... Или как там тебя?..

Перегнувшись через стол, Ре-Ранкар одной рукой быстро обшарил карманы куртки из коззама. Но нашел он только

мятый носовой платок и обрывок салфетки с записанным на ней трехзначным номером. Чтобы приободрить парня, старший дознаватель легонько похлопал его по щеке.

– Эй! Не спим! Я жду ответа на свой вопрос. Кто стоит за всеми этими убийствами?

– Не знаю, – бессильно качнул головой Ку-Кифнер.

– А что ты скажешь, если я расшибу твой вариатор? – Ре-Ранкар подцепил браслет указательным пальцем и посмотрел на табло. – Странно. Вариатор показывает «Разум», а я так и не услышал от тебя ничего вразумительного. Ну, так что?

Ре-Ранкар крутанул браслет на пальце.

– Я не знаю, кто стоит за операцией, но курировала ее Ал-Алия.

– Ты тоже работаешь в ССА?

– В службе технической поддержки... Занимаюсь ремонтом оборудования.

– Ал-Алия подловила тебя на вариаторной зависимости?

– Да, я был у нее на консультации... Она и продвижение по службе обещала... Она сказала, что это операция ССА, и все это делается исключительно ради общего блага, что мы должны остановить экспансию монотипов... До первого случая я вообще не знал, что планируется убийство... А потом она сказала, что мне в любом случае некуда деваться, поскольку я теперь соучастник преступления... То есть она, конечно, не об убийстве говорила, а о тайной операции. Но все

и так было ясно...

– В чем заключалась твоя задача?

– Техническое обеспечение... Различные спецсредства... Аппаратура для прослушивания и тайного наблюдения... Ал-Алия тщательно готовилась к каждому... Она говорила, что у нас не должно быть никаких сбоев...

– Вы использовали антидактилоскопическую эмульсию?

– Да.

– Кто убивал?..

Голова Ку-Кифнера откинулась назад, рот бессмысленно приоткрылся, глаза тупо пялились в пустоту.

– Эй! Ты меня слышишь?

Ре-Ранкар хлестко ударил парня тыльной стороной ладони по щеке. Тот вздрогнул всем телом и посмотрел на старшего дознавателя так, будто впервые видел.

– Что, совсем переклинило?

Парень молча кивнул.

– Держи.

Ре-Ранкар кинул ему вариатор. Ку-Кифнер схватил его, зажал в кулаке и, сунув руку под куртку, крепко прижал к груди, будто это была частица его души. Теперь отнять у него вариатор можно было только вместе с жизнью. Ну, или, по крайней мере, с рукой. Парень был разбит, раздавлен, сплюснут, вывернут наизнанку, как старые, драные носки. От него уже почти ничего не осталось. Во всяком случае, ничего такого, что имело бы волю к сопротивлению.

– Эй! Слушай меня! – Ре-Ранкар в очередной раз быстро прошелся ладонью по щекам Ку-Кифнера, а затем еще и щелкнул его по кончику носа. – Кто убивал?

– Лимпер... – прошептал одними губами Ку-Кифнер.

– Как? – не расслышав, наклонился ближе к нему Ре-Ранкар.

– Лимпер...

– Лимпер?.. Это что, укороченное имя? Или прозвище?

– Так называла его Ал-Алия...

– Он тоже из ССА?

– Нет... Не думаю... – Безжизненные губы Ку-Кифнера изогнулись в подобии усмешки. – Он здоровый, как шкаф, и тупой, как пень... Лимпер... Так она его называла...

В горле у парня что-то тихо булькнуло, и он снова провалился в прострацию. Слишком рано – у старшего дознавателя еще оставались к нему вопросы. Взявшись за рукоятку стилета, Ре-Ранкар качнул его в ране. Ку-Кифнер вскрикнул от боли и выгнулся назад, будто у него случился каталептический припадок.

– На меня смотри! – дернул его за подбородок Ре-Ранкар. – Кто такой этот Лимпер?

Ку-Кифнер потрянул головой и посмотрел на старшего дознавателя на удивление осмысленным взглядом.

– Не знаю. И, надеюсь, больше никогда его не увижу.

– Что так?

– Омерзительный тип... У меня от него мороз по коже.

– Описать сможешь?

– Он похож на ожившего мертвеца... Лицо неподвижное, взгляд пустой... И говорит только одни междометия.

– Как он проникал в дом жертв? Ты открывал замки?

– Нет. Первой всегда входила Ал-Алия... Не знаю, что уж она им там плела, но ее всегда впускали...

Ну конечно же! Ре-Ранкар с досады едва не хлопнул себя ладонью по лбу. И как он сам об этом не подумал! Жертвы впускали убийцу в дом, потому что перед ними была женщина! Милая, симпатичная женщина, знавшая, на какой крючок можно подцепить любого из них. Она все про всех знала. И промахнулась только с Ре-Ранкаром. По большому счету Ал-Алия допустила две ошибки. Но каждая из них была фатальной. Факт.

– На! – Ре-Ранкар протянул парню оставшиеся полстакана дхута.

– Зачем? – не понял тот.

– Пей, тебе говорят!

Ку-Кифнер взял здоровой рукой стакан и быстро, чтобы только поскорее с этим покончить, принялся глотать дхут. Он ни чувствовал ни вкуса, ни запаха великолепного напитка. Ему было все равно. Сейчас он слышал только голос Ре-Ранкара, хлещущий по барабанным перепонкам, будто плеть, и боль в приколотой к столу руке, которая уже, казалось, сделалась неотъемлемой частью не только его тела, но и всего его существования.

Когда Ре-Ранкар резко выдернул стилет из руки, парень едва дхутом не подавился. То, что оставалось в стакане, выплеснулось ему на грудь, а находившееся во рту потекло по подбородку. Если бы ни это, Ку-Кифнер непременно бы закричал, да так, что перекрыл бы завывания и стоны нескончаемо-монотонного музыкального ритма, одурманивающего людей настолько, что они не видели, не замечали того, что происходит рядом с ними. Ре-Ранкар подумал даже, что, если бы реальный убийца действительно пригласил его в бар «Зажигай!» в качестве очередной жертвы, это была бы совсем неплохая идея. Большинство присутствующих просто не заметили бы происходящее, а остальные приняли бы это за спонтанный перформанс. Ну, или что-нибудь вроде того.

Ре-Ранкар поднялся на ноги и одернул пиджак.

– Вставай! – Он крепко ухватил Ку-Кифнера за воротник куртки.

– Зачем? – затравленно посмотрел на старшего дознавателя Ку-Кифнер. Прижав раненую руку к груди, парень сжался в комок, сделался похожим на кучу грязного белья.

– Вставай!

Ре-Ранкар силой заставил его подняться и потащил за собой сквозь безумно танцующую и отчаянно приплясывающую толпу.

Зажигай!

– Куда мы идем?

Ку-Кифнер даже и не думал сопротивляться – на это у

него не было ни воли, ни сил, – но ему было страшно. Безумно страшно. Страшно так, что сводило живот и подгибались колени. Больше всего ему хотелось упасть на колени, уткнуться лбом в теплый, избитый тысячами и тысячами веселых ног пол и заплакать. Тихо, почти беззвучно. Чтобы никто не услышал. Только для себя самого.

– Давай!

Ре-Ранкар втолкнул шатающегося парня в дверь мужского туалета. Три открытые кабинки, шесть писсуаров, три полукруглые раковины с зеркалами. В разных концах зала имелось пять подобных отсеков, иначе бы в том, куда привел парня Ре-Ранкар, было бы не протолкнуться.

– Вон отсюда, – коротко бросил Ре-Ранкар троим ребятам, оказавшимся в туалете несколько раньше него и совсем по другой причине.

Ку-Кифнер прижимал к груди кровоточащую руку, Ре-Ранкар все еще был вооружен окровавленным стилетом – этого оказалось более чем достаточно для того, чтобы ребят будто ветром сдуло. Один из них даже брюки застегнуть забыл. Ре-Ранкар толкнул своего пленника в дальний угол за умывальники. Упершись спиной в стену, парень согнул колени и вскинул руки над головой, как будто закрываясь от удара.

– Что?.. Что ты собираешься делать?..

Ре-Ранкар выдернул носовой платок из кармана кожаной куртки и кинул его Ку-Кифнеру.

- Руку перевяжи.
- Зачем?
- Чтобы кровь не текла.
- А потом?
- Потом и узнаешь.

Ре-Ранкар смотрел на то, как парень, морщась, перетягивает раненую руку платком, и думал, что что-то все же не так, что-то в итоге не сойдется. По плану Ал-Алии, Ку-Кифнер должен был встретиться с ним, чтобы выдать пламенную речь в защиту монотипов, к тайной организации которых он якобы и сам принадлежит. Ал-Алия передаст запись их разговора в ССА, и информация о заговоре монотипов-убийц будет выплеснута в прессу. После этого широкая и в основной массе своей тупая общественность с искренним негодованием поддержит любые репрессивные меры, направленные против монотипов. С этим все ясно. Но! Парнишка делает свое дело – и парнишке надо будет как-то уйти. Точно! Кто-то должен был прикрыть его уход, помешать стражам последовать за ним. Для этого достаточно драку завязать – в толпе она в один момент превратится во всеобщую сумятицу и неразбериху.

Ре-Ранкар заметил взгляд Ку-Кифнера, устремленный ему за спину, и тут же обернулся. На него надвигался здоровенный детина, которому вышибалы из бара разве что в младшие братья годились. Похожую на бочку грудь обтягивал серый свитер. Руки были чуть разведены в стороны, как

будто громила готовился кого-то обнять. Но по-настоящему пугающим было бледное, абсолютно неподвижное, ничего не выражающее лицо в обрамлении длинных маслянисто-черных волос и пустой, устремленный в никуда взгляд, оказывающий почти гипнотическое воздействие.

Так вот ты какой, Лимпер, успел еще подумать Ре-Ранкар. А в следующую секунду огромный кулак рассек воздух и, если бы старший дознаватель не проявил должного проворства, превратил бы его лицо в раздавленную восковую маску.

– Эй! Послушай! Не делай глупостей! – Выставив перед собой стилет, Ре-Ранкар попятился назад. Но это был туалет, а не поле для игры в большой мяч; два шага – и спина его уперлась в стену.

Лимпер – мертвец ходячий – на этот раз нанес удар с левой. Нырнув под летящий кулак, Ре-Ранкар наотмашь полоснул противника стилетом по животу. Разрез получился длинный, но, должно быть, не очень глубокий – Лимпер даже не обратил на него внимания. Смахивающий на монстра громила перехватил запястье руки, сжимающей стилет, и, как тряпичную куклу, швырнул старшего дознавателя на умывальник. Раковина, о которую ударился Ре-Ранкар, сорвалась с крепежей и разбилась о пол, вверх ударила упругая струя воды из сорванного крана, а на спину старшему дознавателю посыпались осколки зеркала, которое он расколол своей головой. Выбитый из руки стилет скользнул по мокрому полу и исчез под дверь туалетной кабинки. Ле-

жа на полу, Ре-Ранкар попытался ногой провести подсечку, но Лимпер легко парировал выпад и в ответ как следует пнул старшего дознавателя ногой в живот. Скорчившись на полу, мокрый и раздавленный, глядя на нависающего над ним чудовищного монстра, Ре-Ранкар с тоской подумал, что нужно было все же взять пистолет. Вопреки всем запретам. Чтобы не чувствовать себя полным ничтожеством в мокром пиджаке, пресмыкающимся перед бледнолицым уродом. И ведь что самое противное – последним, что он увидит в этой жизни, будет уродливое, бессмысленное и беспощадное лицо-маска с глазами-ледышками. Лицо убийцы, скорее всего, даже не понимающего, зачем, чего ради он это делает.

Ре-Ранкар скривился от боли, когда Лимпер наступил ему на щиколотку правой ноги. Убийца наклонился и левой рукой сдавил старшему дознавателю горло. Ре-Ранкар обеими руками вцепился в запястье Лимпера, пытаясь заставить его разжать пальцы, но это было все равно что попробовать плечом сдвинуть гору. Ре-Ранкару показалось, или он и в самом деле увидел, как в глазах Лимпера, холодных и пустых, мелькнули азартные искорки. Видимо, момент убийства был единственным, что могло хоть на миг вывести его из состояния отрешенности от всего сущего. Убийство было тем, ради чего он жил. Лимпер прижал Ре-Ранкара к стенке и оттянул кулак к плечу, готовясь одним ударом размозжить ему череп. И вдруг голова его судорожно дернулась назад. Разжав кулак, Лимпер хлопнул себя ладонью по затылку, как будто

комар ему там впился в кожу жалом.

Почувствовав, что хватка вцепившихся ему в горло пальцев ослабла и он может дышать, Ре-Ранкар собрал все силы, дернул Лимпера за руку – и оказался придавлен к полу обрушившейся на него тушей. Быстро и сосредоточенно работая руками и ногами, Ре-Ранкар выкарабкался из-под неподвижно обмякшего тела убийцы. Лимпер лежал, уткнувшись носом в лужу, и пускал пузыри – значит, жив был, – а над ним, широко расставив ноги, стоял один из вышибал, подходивших к столику, за которым старший дознаватель проводил допрос подозреваемого.

– Ты как? – очень серьезно посмотрел на Ре-Ранкара здорвяк.

Ре-Ранкар встал на колени и похлопал себя руками по бокам, проверяя, целы ли ребра.

– Вроде в порядке. – Он поднялся на ноги.

– У тебя все лицо в крови.

– Да?

Ре-Ранкар глянул на себя в зеркало. На лице красовалось несколько порезов, оставленных зеркальными осколками. По счастью, все неглубокие – заживут и следа не останется. Ре-Ранкар сложил ладони вместе, набрал полные пригоршни воды из хлещущего в потолок фонтана, ополоснул лицо и вытер мокрым рукавом. А все равно пиджак давно пора выкинуть.

– Так лучше? – повернулся он к вышибале.

– Гораздо, – усмехнулся тот.

– Спасибо за помощь.

– А... о чем разговор, – махнул рукой вышибала.

Носком ботинка Ре-Ранкар ткнул Лимпера в бок – тот даже не шевельнулся.

– Как ты вообще здесь оказался? Пописать зашел?

– Не, я увидел, как ты потащил парня в сортир, после чего оттуда сразу несколько человек вылетело. Ну, думаю, ладно, ты все же страж порядка. Потом, гляжу, в тот же сортир этот урод ввалился, – вышибала кивнул на Лимпера. – И застрелял там. Я-то нашу обычную клиентуру знаю, а этот тип, ну, никак не похож на любителя пару таблеток «транса» заглотать, чтобы потом под музыку подергаться. Ну вот я и решил пойти глянуть, как там.

– Молодец. – Ре-Ранкар завел руки Лимпера за спину и защелкнул на них наручники. – А как тебе его уложить-то удалось? Технику тайного боя ши-тар знаешь?

– На фиг мне ши-тар, – снова усмехнулся вышибала. – У меня вот что есть!

Он показал Ре-Ранкару тяжелый четырехпальцевый кастет.

– Вообще-то кастеты относятся к холодному оружию, – профессионально сдвинул брови Ре-Ранкар. – И частным охранникам пользоваться ими запрещено.

– Да знаю я, – обиженно оттопырил нижнюю губу вышибала. – Раньше никогда и не пользовался. Так, на всякий слу-

чай в кармане держал. Думал, вдруг пригодится. Всякие ведь дураки по кабакам шляются. Ну вот и пригодился.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.